

ЙОН КОЛФЕР

Автор бестселлера «Артеemis Фаул»



ПАЧКИ

• УЧЕНИК УБИЙЦЫ •

ПАУКС

Йон Колфер
Ученик убийцы

«ЭКСМО»

2013

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Колфер Й.

Ученик убийцы / Й. Колфер — «Эксмо», 2013 — (ПАУКС)

ISBN 978-5-699-81795-5

Райли четырнадцать, он живет в Лондоне конца XIX века. Он сирота, и вырастил его наемный убийца, решивший передать ученику все секреты своего мрачного ремесла... Но Райли не хочет идти по стопам учителя! Мальчик мечтает сбежать, и однажды ему предоставляется возможность ускользнуть... в XXI век. Шеврон Савано семнадцать, и она – самый юный, амбициозный и импульсивный агент за историю ФБР. Ладно, почти агент. Девушка воспринимает свое назначение на секретный объект в Лондоне как ссылку, как ненужную и скучную работу... пока не узнает, что должна следить за находящейся в распоряжении ФБР машиной времени. Райли и Шеви предстоит объединить усилия – и спасти себя и мир от того, кто волей судьбы стал самым опасным преступником всех времен... Или погибнуть, пополнив список его жертв.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-81795-5

© Колфер Й., 2013
© Эксмо, 2013

Содержание

1. Комната смерти	6
2. Спортивная девчонка	11
3. Боевые ботаники	20
4. Альт-тек	34
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Йон Колфер

Ученик убийцы

Eoin Colfer

WARP

The Reluctant Assassin

Text copyright © Eoin Colfer, Artemis Fowl Ltd, 2013

© Васильева А., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Финну, Шону, Грейс, Джереми и Джо

1. Комната смерти

Бэдфорд-сквер. Блумсбери. Лондон. 1898

В тени между старинными часами и тяжелыми бархатными портьерами слабо проступали два смутных бледных пятна – одно повыше, другое пониже... неясные, как смазанные отпечатки пальцев на черном покрове ночи, которую плотные шторы и затянутое холстиной слуховое окошко под потолком делали еще темнее.

Если приглядеться, то вскоре становилось ясно, что нижнее пятно, едва заметное в этой затемненной комнате, – это лицо совсем юного мальчика, вымазанное сажей и со слегка дрожащими губами. Это был Райли, которого привели сюда этой ночью для совершения первого убийства. В качестве испытания.

Пятном повыше оказалось лицо человека, которого наниматели знали как Альберта Гаррика, хотя в прошлом он был известен широкой публике совсем под другим именем. На сцене он называл себя Великим Ломбарди и славился на весь Вест-Энд как непревзойденный иллюзионист. Правда, только до тех пор, пока на одном из представлений он и в самом деле не распилил свою красотку-ассистентку на две половинки. Тем незабвенным вечером Гаррик обнаружил, что отнимать жизнь ему нравится ничуть не меньше, чем срывать аплодисменты зрительного зала, и фокусник решил сменить свое ремесло на другое – ремесло наемного убийцы.

Гаррик уставился на Райли тусклым холодным взглядом и стиснул его плечо костлявыми пальцами с такой силой, что мальчику почудилось, будто сквозь ткань плаща наставник впился прямо в его оголенные нервы. Убийца не произнес ни слова, но выразительно кивнул, одновременно напоминая и побуждая к действию.

«Вспомни, – говорил его склоненный подбородок, – свой сегодняшний урок. Двигайся бесшумно, как туман Уайтчепля, и вонзай клинок так, чтобы пальцы почувствовали края отвершейся раны».

Недавно Гаррик велел Райли притащить из Стрэнда в их жилище в Холборне тушу дохлой собаки, подвесил ее на веревке и приказал мальчику отрабатывать на ней удары ножом, чтобы научиться преодолевать сопротивление костей.

«Новички сильно ошибаются, воображая, будто острый клинок войдет в плоть, как раскаленная кочерга в воск. Этот совсем не так. Иногда даже мастер вроде меня натывается на преграду из мышц и костей, и нужно быть готовым поддеть и поднажать. Запомни, мальчик: поддеть и поднажать. Используй саму кость в качестве рычага».

Сейчас Гаррик повторил это движение своим длинным стилетом, наклоняясь широким лбом к лицу мальчика, чтобы убедиться, что тот усвоил подсказку.

Райли кивнул и сам взялся за нож, прикрывая лезвие ладонью, как его учили.

Гаррик слегка ткнул Райли в спину, выталкивая его из тени к широкой кровати под балдахином, на которой лежал новоотбывающий.

Новоотбывающий. Очередная профессиональная шуточка Гаррика.

Райли знал, что это проверка. Это было настоящее убийство, за которое заплачено авансом, и заплачено немало. Теперь либо он, как говорится, задует свою первую свечу, либо Гаррик оставит позади один лишний труп в этой жуткой темной комнате и вскоре подыщет себе в лондонских трущобах нового ученика. Наверное, его это даже огорчит... но никаких других возможностей Гаррик мальчику не оставил. Райли должен был научиться чему-то большему, чем жарить на улицах сосиски или чистить ботинки.

Райли стал красться вперед, осторожно переставляя ноги и нащупывая перед каждым шагом мусор на полу, который мог бы его выдать. Конечно, это замедляло движение, однако

даже тихого хруста брошенного листка бумаги иногда достаточно, чтобы разбудить жертву. Перед собой Райли видел поблескивающее в его собственной руке лезвие и с трудом верил, что это и в самом деле он – здесь, в этой комнате, готовый вот-вот совершить преступление, которое навеки обречет его гореть в аду.

«Когда ты будешь готов, сможешь занять место младшего партнера в нашем семейном бизнесе, – частенько говаривал Гаррик. – Пожалуй, мы даже закажем себе визитные карточки, а, парень? Гаррик и Сын. Убийцы по найму. Может, работа у нас не самая благородная, но цену мы себе знаем».

После этого Гаррик обычно смеялся негромким сумрачным смехом, от которого у Райли нервы натягивались, точно струны, а желудок подкатывал к горлу.

Райли сделал еще шаг. Выхода из того кошмарного положения, в котором он оказался, по-прежнему не было видно. Комната словно смыкалась вокруг него.

«Я должен убить этого человека или сам принять смерть». Сердце Райли забилось учащенно, так что даже руки задрожали, и лезвие едва не выскользнуло из пальцев.

Гаррик неотступно следовал за ним бесшумным привидением, придерживая Райли за локоть холодным, как сосулька, скрюченным пальцем.

– Из праха ты вышел... – прошептал он почти беззвучно, как легчайший шелест сквозняка.

– И в прах возвратишься, – едва слышно отозвался Райли, дополняя библейскую цитату, самую любимую у Гаррика.

«Мой собственный поминальный обряд», – сказал он как-то Райли зимним вечером, когда они сидели в итальянском ресторанчике, поглядывая из окна на Лестер-сквер. Иллюзионист успел к тому времени опустошить второй кувшин терпкого красного вина, и безупречный выговор джентльмена начал соскальзывать с его речи, как верткая рыба с мокрого стола.

«Каждый из нас выкарабкался на свет из отбросов и грязи, и в эту же дрянь мы вернемся, заруби себе на носу. Я всего лишь отправляю людей туда чуть-чуть быстрее. Всего на несколько ударов сердца раньше... но это позволяет нам наслаждаться благами жизни. Таков наш путь, и если у тебя не достанет крепости идти этим путем, Райли, тогда...»

Гаррик никогда не договаривал угрозу до конца, но было ясно, что для Райли настало время доказать, что он заслуживает своего места за столом.

Через тонкие, старательно сошлифованные на токарном станке в мастерской Гаррика подошвы башмаков Райли чувствовал каждую трещинку в полу, каждую щель между досками. Теперь он мог видеть темнеющую посреди кровати фигуру. Наверное, старик – из-под пухлого стеганого одеяла виднелась густая грива седых волос.

Лица не разглядеть. Как же он благодарен судьбе хотя бы за это...

Райли приблизился к кровати, чувствуя за спиной присутствие Гаррика. Сознывая, что время вышло.

Прах к праху.

Райли ясно видел покоящуюся на подушке руку старика. Вместо указательного пальца – короткий обрубок. Наверное, след какой-то давней травмы.

Он уже знал, что не сможет сделать этого. Он не убийца.

Не поворачивая головы, Райли быстро повел глазами по сторонам. Его учили в случае крайней нужды использовать любые подручные средства. Но сейчас сам учитель стоял у него за спиной, наблюдая за каждым движением напряженным, немигающим взглядом. От человека в постели помощи ждать не приходится. Что сможет этот седовласый старик против Гаррика? Да и кто вообще с ним справится?

Райли уже четырежды сбегал от него... и четырежды Гаррик находил его.

«Единственный выход для меня – смерть, – подумал Райли. – Моя или Гаррика».

Но Гаррика нельзя убить. Он сам – воплощенная смерть.

Прах к праху.

Внезапно Райли охватила головокружительная слабость, и он едва удержался, чтобы не повалиться на холодный пол. А что, может, это и было бы лучшим выходом? Упасть без чувств, и пусть Гаррик делает свою грязную работу сам. Но тогда старик все равно умрет, и этот грех будет вечно камнем лежать на душе Райли, даже после смерти.

«Я буду драться», – решил мальчик. Надежды победить не было никакой... но он должен был хотя бы попытаться.

Его мозг лихорадочно перебирал планы спасения – один несбыточнее другого. И все это время он продолжал медленно двигаться вперед, чувствуя шеей ледяной взгляд Гаррика, как проклятие. Человеческая фигура на кровати под балдахином проступала все отчетливее. Теперь он уже мог видеть ухо с рядом дырочек, в которые, должно быть, когда-то были вдеты серьги.

Может, он иностранец? Или моряк?

Он различал массивный подбородок и складки жира под ним, а еще шнурок, который тянулся от шеи старика к странного вида кулону, лежавшему поверх одеяла.

«Примечай каждую деталь, каждую мелочь, – учил его Гаррик. – Впитывай взглядом все, что вокруг тебя, и однажды это может спасти тебе жизнь».

Мне не спасти свою жизнь. Только не сегодня.

Райли скользнул еще на один шаг вперед и вдруг ощутил ногами странное тепло. Глянув вниз, он с удивлением и замешательством обнаружил, что носок его башмака светится зеленым. Ярко-изумрудный свет коконом окружил покоящуюся на кровати фигуру, изливаясь из того самого кулона, который он заметил чуть раньше.

– Дьявольщина. Это ловушка! – прошелестел над его ухом голос Гаррика. – Давай, парень, кончай его.

Но Райли не мог пошевелинуться, оцепенев при виде призрачного сияния.

Тогда Гаррик резко толкнул его прямо в странный теплый свет, который тут же сменил оттенок, превратившись в ярко-алую полусферу. Откуда-то из кровати раздался жуткий, пронизывающий, противоестественный вой, от которого мозг Райли едва не взорвался внутри черепа.

Старик на кровати мгновенно проснулся, подскочив, как подброшенный пружиной.

– Опять чертовы сенсоры барахлят, – пробормотал он с сильным шотландским акцентом, моргая спросонок слезящимися глазами. – До чего болит...

Тут он заметил Райли и тускло поблескивающий клинок, выступающий из кулака мальчика, как нерастающая сосулька. Не сводя глаз с лезвия, он потянулся рукой к сияющему кулону на своей костлявой груди и дважды стукнул по его центру, уняв наконец пронизывающий душу вой. Теперь в центре кулона замигали светящиеся, словно начертанные фосфором цифры. Обратный отсчет от двадцати.

– Погоди, парень, – сказал старик. – Притормози. Мы можем договориться. У меня есть деньги.

Райли, не дыша, продолжал таращиться на кулон. Ясно, что он волшебный. Но, более того, он почему-то показался ему знакомым.

Гаррик прервал его мысли резким тычком в бок.

– Хватит медлить, – сказал он с нажимом. – Пошевеливайся. Прах к праху.

Но Райли не мог. Нет, он не станет таким, как Гаррик, не станет обречать себя на вечные муки.

– Я-я... – пролепетал он, заикаясь и желая, чтобы его оцепеневший мозг нашел какие-нибудь слова, которые помогли бы вытащить из этого отчаянного положения и его самого, и этого странного старика. Старик приподнял руки с раскрытыми ладонями, показывая, что

они пусты. Как будто честная игра могла иметь хоть какое-то значение в этой темной комнате.

– Я безоружен, – сказал он. – И имею доступ к неограниченным средствам. Я могу дать вам все, что вы пожелаете. Напечатать тысячу-другую фунтов – проще простого. Но, если вы причините мне вред, сюда немедля явятся люди... и позаботятся о том, чтобы вы не узнали моих секретов. И у этих людей будет оружие, которого вы даже никогда не видели.

Большого он сказать не успел: клинок внезапно вонзился ему в грудь. Райли видел, что на рукояти лежала его собственная рука, и на какую-то тошнотворную секунду подумал, что его собственные мышцы предали его, совершив черное дело. Но потом он ощутил холодные пальцы Гаррика на своем запястье, ослабляющие хватку, и понял, что его руку направил именно он.

– Готово, – сказал Гаррик, глядя, как рукав Райли пропитывается теплой кровью. – Держи нож крепче, и ты почувствуешь, как жизнь оставляет его.

– Это не я, – сказал Райли старику, с трудом выговаривая слова. – Я бы никогда...

Старик продолжал сидеть, прямой, как доска. Шнурок кулона расползлся, наткнувшись на торчащее лезвие.

– Поверить не могу, – прохрипел он. – Столько людей искали моей смерти... а нашли какие-то два клоуна.

Слова Гаррика скользкими слизнями втекали ему в уши:

– Не принимай на свой счет, мальчишка. Не твоя рука нашла щель между ребрами этого старого лопуха, а моя. Однако, учитывая все обстоятельства... пожалуй, я дам тебе еще один шанс.

– Поверить не могу, – снова пробормотал старик. Тут его кулон пискнул, и он исчез. Исчез в прямом смысле слова: рассыпался облачком оранжевых искр, которые тут же втянулись внутрь кулона.

– Магия, – прошелестел Гаррик с оттенком благоговения. – Магия существует...

Убийца резко попятился, спасаясь от неведомых последствий таинственного распыления, но Райли не мог сдвинуться с места. Он по-прежнему стоял, стиснув рукоять кинжала, и смотрел, как искристое облачко стремительно окутывает его руку, поднимаясь все выше.

– Я ухожу, – прошептал мальчик. Это и в самом деле было так, хотя он не знал – куда.

На мгновение его тело стало прозрачным, так что он даже успел увидеть сквозь ребра свои плотно уложенные внутренности, но потом и они исчезли, оставив после себя только мерцающие искры.

Облачко газа, которым стал Райли, втянулось внутрь кулона вращающейся воронкой, которая вдруг напомнила Райли, как однажды его накрыло волной на пляже в Брайтоне, и как с берега на него смотрел другой мальчик.

«Рыжик. Я помню тебя».

Потом Райли превратился в крохотную сияющую точку чистой энергии. Она мигнула Гаррику и исчезла. И старик, и мальчишка – оба пропали без следа.

Гаррик потянулся к упавшему на простыни кулону. Кажется, он видел эту вещь раньше... или другую, похожую на нее. Много лет тому назад... Но его пальцы коснулись лишь пятнышка копоти, оставшегося после неведомого талисмана.

– Всю свою жизнь, – тихо проговорил он. – Всю жизнь...

Его губы шевельнулись, но не произнесли больше ни слова. В этой комнате чудес он остался совсем один.

Всю свою жизнь он искал истинную магию. И теперь он знал, что она существует на самом деле.

Обычно Гаррик хорошо умел сдерживать свои бурные эмоции, но сейчас горячие слезы счастья потекли по его щекам, капая на лацканы.

«Не иллюзия, не фокус. Настоящая магия!»

Убийца опустился на пол, согнув тощие ноги так, что колени оказались на уровне ушей. Дорогая одежда постепенно пропитывалась натекающей на пол кровью, но сейчас он не обращал на это внимания. Отныне ничто не будет для него прежним. Единственное, чего он сейчас боялся, – это что магия покинула это место навсегда. Оказаться так близко к цели и упустить ее в последний момент – что может быть горше?

«Я буду ждать здесь, Райли, – подумал он. – Китайцы верят, что магия не любит покидать обжитое место, а значит, ожидание – моя единственная надежда. А потом, когда нагрянут те люди с невиданным оружием, я отомщу тебе. И я завладею этой магией и подчиню ее своей воле, и никто в мире не сможет помешать мне».

2. Спортивная девчонка

Бэдфорд-сквер. Блумсбери. Лондон. Наше время

Шеврон Савано никогда особенно не нравилась притча о Блудном Сыне. Сказать по правде, она просто терпеть не могла эту историю и чуть ли не скрипела зубами, когда кто-нибудь принимался ее цитировать.

Станем праздновать и веселиться, потому что мой сын был мертв и ожил, пропал и нашелся.

Правда? Да неужели... А как насчет того сына, или, допустим, дочери, которая все это время оставалась в отчем доме и работала без выходных и праздников, чтобы уберечь родной очаг от организованной преступности и коррупции? Как насчет дочери, которая пожертвовала чуть ли не всем, что имела, только бы отвести от родного очага угрозу? Как насчет совершенно определенной дочери? Что ж, похоже, этой самой дочери ничего не светит. Ее просто-напросто отошлют за океан, в Лондон, просиживать штаны в какой-то секретной конторе, занимающейся защитой свидетелей. Лучшего способа похоронить карьеру даже не придумать.

Само собой, специальный агент Лоуренс Уитмейер, ее начальник в Лос-Анджелесском отделении ФБР, заверил ее, что она вовсе не должна рассматривать свое новое назначение как неофициальное наказание за необдуманные действия, привлечшие к Бюро ненужное внимание общественности.

– Это очень ответственное задание, Шеви. Я бы даже сказал, жизненно важное. ПАУКС существует при Бюро уже три десятка лет.

– А как расшифровывается этот ПАУКС? – поинтересовалась Савано.

Уитмейер глянул в текст высветившегося на экране почтового сообщения.

– Гм... ПАУКС... Программа анонимного укрывания ключевых свидетелей.

– Похоже, слово «анонимный» они ввели только для того, чтобы звучало покруче. Иначе получилось бы ПУКС... а это, конечно, никуда не годится.

– Не сомневаюсь, те парни, которые отвечают за всяческие названия, очень старались, чтобы аббревиатура получилась звучной.

Шеви раздраженно мотнула головой. Было совершенно очевидно, что Бюро пытается отослать ее с глаз долой в какую-нибудь дыру, где до нее не доберется пресса.

– Вы же знаете, что я просто делала свою работу. Я спасала человеческие жизни.

– Знаю, – кивнул Уитмейер, на мгновение смягчившись. – Шеврон, тебе предоставили выбор. Вся остальная группа расформирована и распущена. Тебе всего шестнадцать. Ты можешь стать кем угодно.

– Кроме как остаться федералом.

– Но ты никогда и не была настоящим агентом, Шеви. Ты была официальным источником информации. Это не совсем то же самое.

– Но на моем жетоне стоит слово «агент». И мой наставник называл меня «агент Савано».

Уитмейер глянул на нее с сочувственной улыбкой, с какой иногда смотрят на умственно отсталых.

– Мы подумали, что вам, ребяташкам, жетоны понравятся. Знаешь, придадут ощущение собственной значимости... Но чтобы быть агентом, Шеви, нужно нечто большее, чем жетон.

– Но я должна была вот-вот стать настоящим агентом. Мне говорили, что достаточно только выполнить задание, и место в Куантико¹ мне обеспечено.

– Да, тебе говорили, – покивал Уитмейер. – Но никаких письменных документов на этот счет нет. Так что советую вам ухватиться за это предложение, мисс Савано. Оно не такое уж плохое. И, может быть, если вы не будете сильно высовываться, через пару лет мы снова сможем поговорить об Академии.

Обещанное дело не вызывало у Шеви ни малейшего интереса, но... если она действительно хочет стать специальным агентом, другого пути у нее нет.

– Значит, теперь я перехожу в подчинение Лондонскому отделению?

На этот раз ответ Уитмейера прозвучал более уклончиво.

– Нет. Ты будешь подчиняться непосредственно руководству ПАУКСа. Лондонское отделение Бюро занимается главным образом расследованием преступлений на почве ненависти и прочими штуками такого рода. То, чем ты будешь заниматься, с их рутинной деятельностью никак не связано. Они даже не будут знать, что ты въехала в страну, пока ты сама не объявишься.

Уитмейер чуть наклонился к ней с деланным воодушевлением, как будто намеревался сообщить действительно потрясающую новость:

– По сути, тебе вообще ничего не придется делать, кроме как заочно готовиться к экзаменам на аттестат зрелости.

– Ясно. Значит, снова в школу, как маленькая, – вздохнула Шеви.

– Мне неприятно говорить это, Шеви, но ты и в самом деле еще ребенок, – сказал Уитмейер чуть жестче.

Он уже нетерпеливо поглядывал поверх ее плеча, торопясь прекратить этот разговор и присоединиться к остальным агентам, которые шумно галдели в переполненном офисе, клацая затворами служебных пистолетов и перешучиваясь.

– Я готов платить тебе жалование из средств Бюро еще два года, Шеви, и это все, что я могу для тебя сделать. Можешь принять это предложение, а можешь отказаться, дело твое. Но в любом случае, если тебе нужен шанс остаться в ФБР, тебе придется отправляться в Лондон.

И вот Шеви уже девять месяцев торчала в Англии, опекая кошмарного вида металлический аппарат, похожий на спускаемый модуль космического корабля, зачем-то впихнутый в подвал четырехэтажного георгианского особняка на Бэдфорд-сквер в Блумсбери.

– А чем мы на самом деле занимаемся? – спросила она своего начальника в первый же день.

Хотите верьте, хотите нет, но его звали агент Оранж². Наверняка в шутку, решила Шеви. Он весь, с головы до ног, был исключительно серого или серебристого цвета, от седой челки и зеркальных очков до облегающего костюма и дорогих, сшитых на заказ мягких мокасин с кисточками.

– Мы занимаемся аппаратом, – ответил пятидесятилетний агент, растягивая слова, как водится у шотландцев.

– Поклоняемся ему, что ли? – буркнула Шеви. Ей все еще было не по себе из-за смены часовых поясов, поэтому настроение у нее было слегка воинственное.

Однако Оранж отнесся к этим словам с неожиданной серьезностью.

– В каком-то смысле да, агент Савано. Можно сказать, что тот аппарат в подвале – наша церковь.

¹ Куантико – город в США, где расположена Академия ФБР.

² «Агент оранж», «оранжевый агент» – химическая смесь, которую американцы использовали в войне против Вьетнама.

Он провел Шеви через холл, обставленный, как гостиная в трехзвездочном английском отеле: с камином, коваными подставками для дров и корабliками в бутылках, а потом вниз, в подвальный этаж, вход в который закрывала массивная стальная дверь. Стоило им миновать эту дверь, как все вокруг сделалось таким, как и положено в ФБР. Шеви тут же заметила не меньше дюжины вмонтированных в бетонные стены камер и датчики движения по всему коридору, вдоль которого тянулись забранные в серую трубку кабеля всех известных человечеству видов связи.

– Здорово у вас тут оборудовано, – сухо прокомментировала Шеви. – Каждый как на ладони. Ни чихнуть, ни пукнуть.

Оранж сдержанно кашлянул.

– Агент Уитмейер упомянул, что я ваш начальник?

– Никак нет, – солгала Шеви. – Он сказал, что мы напарники.

– Едва ли, – отозвался Оранж. – На самом деле я обращаюсь к вам «агент» чисто из любезности. Насколько я слышал, вас отправили в Лондон после провала некоей бестолковой школярской инициативы.

Они шагали по коридору, миновав сначала камеру для задержанных, затем отлично оборудованный медицинский пункт, и оказались в большом круглом помещении, где возвышалось примерно трехметровой высоты металлическое сооружение в форме пирамиды, опутанное охлаждающими трубками и мигающее огромным количеством непонятных огоньков.

– Это – центр ПАУКСа, – сказал Оранж, любовно коснувшись корпуса.

– Похоже на рождественскую елку из научной фантастики, – оценила Шеви, стараясь не показать, что на самом деле аппарат весьма ее впечатлил.

Оранж тем временем деловито проверял показания каких-то датчиков. Похоже, он хорошо в них разбирался.

– Я ожидал такого отношения, – отозвался он, не оборачиваясь. – Я читал ваше личное дело. Очень познавательно. Первая по успеваемости в группе, рекордные показания тестов... и это несмотря на возраст. Проблемы с отношением к начальству, ну, и всякая прочая болтовня, сплошные киношные стереотипы.

Оранж наконец повернулся лицом к Шеви:

– Мы оба знаем, агент Савано, почему вы здесь. Ваша группа была обузой для Бюро и к тому же грозила неприятностями с законом из-за вашего юного возраста. Вы засветились перед камерами в Лос-Анджелесе, вот начальство и решило засунуть вас подальше, в тихое спокойное местечко. Но что бы вы там себе ни думали, агент, мы здесь занимаемся очень важным делом. И не ждите поблажек из-за вашей молодости.

Шеви сверкнула глазами.

– Не беспокойтесь, агент. Я никогда не жду поблажек и не пользуюсь ими.

Оранж сунул руку внутрь модуля, проверяя температуру.

– Рад это слышать. Скорее всего, ваши выдающиеся таланты останутся без применения. Вполне вероятно, что в ближайшее время из аппарата ПАУКСа никто не появится, так что можете спокойно заниматься подготовкой к экзаменам на аттестат зрелости. Но если все-таки, с ничтожной вероятностью, из этого люка однажды появится человек... очень важный для нас человек, а меня не окажется рядом, ваша задача – сохранить его в живых. Просто сохраните его в живых и позовите меня. Вот и все.

– А сейчас этот человек там, внутри?

– Нет, агент. Сейчас аппарат пуст. Он пуст уже тридцать лет.

– Так что, эта штукавина волшебная?

Оранж улыбнулся, давая понять, что ему известно о таинственном аппарате куда больше, чем Шеви.

– Не то чтобы волшебная... скорее, сверхъестественная.

– Ага, спасибо за разъяснения.

– Это все разъяснения, которые я могу вам дать на сегодняшний день, агент Савано. Возможно, если вы проявите себя с хорошей стороны, я посвящу вас еще в некоторые детали. А до тех пор условия такие: вы живете здесь, никогда не отлучаетесь от места службы дальше чем на милю, и я буду подменять вас на посту у аппарата, пока вы спите.

– А где я буду спать?

– В квартире вверх по лестнице. Вам она понравится.

– А вы где будете спать? В милой Шотландии?

Оранж снова улыбнулся:

– На верхнем этаже. Я занимаю пентхаус. Есть свои выгоды в том, чтобы быть боссом.

Он протянул Шеви смартфон.

– Все нужные номера уже внесены. А это кнопки управления сигнализацией и системой наблюдения. Видите вот эту красную иконку? Не нажимайте ее, если не хотите, чтобы здесь разверзся ад. Вопросы есть?

Шеви взяла смартфон.

– Вопросов нет, агент.

– Вот и отлично.

Оранж снова отвернулся и занялся аппаратом, ловко щелкая пальцами по старомодным пластиковым кнопочным панелям на ее поверхности.

– Если вы проявите себя хорошо, то просидите здесь пару лет, не высовываясь, а там поглядим. Может быть, нам удастся отправить вас обратно в Штаты, не привлекая внимания прессы. К тому времени вы уже дорастете до поступления в Академию в Куантико.

Шеви хмуро уставилась в спину Оранжа. Два года... да через два года она будет уже старухой. Ей будет почти девятнадцать.

– Вау, как здорово. Два года сидеть в подвале, сторожа эту штуку. Хорошо, что я прошла боевую подготовку.

Оранж закончил свои дела и направился к выходу, не оборачиваясь.

– Продолжайте, агент, – бросил он через плечо. – Тренируйтесь, и однажды вам наверняка удастся сказать что-нибудь действительно смешное.

«Я уже ненавижу этого парня», – подумала Шеви Савано.

За несколько месяцев, которые Шеви провела в ожидании, что загадочный некто выскочит из спрятанного в подвале космического модуля, она успела потерять связь со всеми своими друзьями из Калифорнии. Пострелять ей тоже не довелось ни разу, даже в тире. И это жутко действовало на нервы, особенно когда девушка осознала, что не только приобрела привычку разговаривать сама с собой, но и отвечать себе же.

– Немедленно прекрати это, – велела она сама себе. – Иначе люди решат, что ты спятила.

Правда? Это какие же люди, интересно? За последние полтора месяца она ни с кем не перемолвилась словом, кроме Оранжа. И даже свой семнадцатый день рождения справляла в одиночестве, с шоколадным пирожным и единственной жалкой свечкой.

Особняк на Бэдфорд-сквер стал для нее вторым домом... или, вернее, ее тюрьмой. Она уже выучила наизусть каждый дюйм этого здания лучше, чем знала собственный коттедж в Малибу. Коттедж, в котором она сможет на законном основании жить сама по себе, когда ей исполнится восемнадцать. Осталось ждать меньше года.

Впрочем, была в доме на Бэдфорд-сквер одна комната, которую она действительно полюбила.

За свою долгую историю особняк сменил много жильцов, и когда-то эту квартиру занимала балерина. Часть второго этажа она перестроила в танцевальную студию с зеркальной стеной и станком. Конечно, балетом Шеви не занималась, но спорт любила, и понадобилось всего три недели нытья, чтобы заставить Оранжа выложить несколько тысяч фунтов на гантели и тренажеры.

Тот самый вечер, который оказался столь переполнен событиями, начинался вполне рутинно. Шеви провела несколько оставшихся спокойных минут, стоя перед зеркалом и размышляя. Девочка, куда же катится твоя жизнь?

Великий секрет, тоже мне.

Ясно, куда она катится. Торчи тут, таращась на эту клятую железяку, и надейся, что со временем деятели из Бюро забудут про то, что случилось в Лос-Анджелесе, и дадут тебе шанс стать настоящим агентом. Ничего, у тебя еще остались друзья в Куантико.

Обычно для того, чтобы получить значок федерала, нужно было достичь хотя бы двадцати трех лет, но Шеви оказалась участницей экспериментальной программы по борьбе с терроризмом методом внедрения информаторов в старшие классы школы. Тщательно отобранная группа подростков провела целый семестр в Академии ФБР в Куантико, а затем их распределили под прикрытием в разные школы, куда ходили подозреваемые в террористической деятельности подростки. Исключительно в качестве наблюдателей: никаких проникновений, никаких стычек. Шеви провела полгода в Лос-Анджелесе, наблюдая за одной иранской семьей, которую федералы подозревали в намерении организовать подрывную ячейку в Калифорнии. Задание окончилось публичным провалом возле Лос-Анджелесского театра, где Шеви воспользовалась своими боевыми навыками для обезвреживания вооруженного пьяного подростка, который угрожал ее иранцам. Случилось так, что подросток в процессе обезвреживания получил ранение, и в довершение всех бед это фиаско было заснято кем-то из свидетелей на мобильный телефон. В итоге программу поспешно свернули, а Шеви отправили в Лондон в качестве сторожа при дурацкой железяке, лишь бы сенатский комитет не пронюхал, что задействованный в операции агент был несовершеннолетним.

Как обычно, Шеви отвела полчаса на разминку, потом полчаса на силовые упражнения, потом побоксировала перед зеркалом, пока ее тренировочные штаны и куртка не потемнели от пота. Она была в отличной форме, вполне достаточной, чтобы войти в первые десять процентов офицеров сил правопорядка по всему миру. А выстрелом она легко могла бы сбить яблоко с дерева хоть с сотни шагов.

«Выгляжу ли я на семнадцать?»

На взгляд Шеви, сейчас она выглядела примерно так же, как и в шестнадцать. При росте в пять футов шесть дюймов она была, пожалуй, чуть мелковата для агента ФБР, но зато легкой и быстрой, с тонкими чертами лица и блестящими черными, как у индейца, волосами.

«Я справлюсь с этим заданием, – подумала она. – От Шеврон Савано им так легко не избавиться. Есть в жизни вещи похуже, чем скука».

И это была ее последняя обыденная мысль на очень долгое время.

Райли никак не мог понять, что же с ним произошло. Если бы под рукой у него была Библия, он даже не смог бы с чистым сердцем поклясться на ней, жив он или мертв. Сознание превратилось в мешанину из страха и смятения, а сила духа, которая помогала ему выдерживать столько страшных лет под опекой Гаррика, начисто испарилась.

Мысли и чувства сплетались, как потоки грязной воды в Темзе, и страшно мучила тошнота – только не в желудке, а как будто в голове.

«Может, я в преисподней?» – подумал он.

Он попытался шевельнуть рукой, но у него ничего не получилось. А может, получилось, только он не смог этого увидеть.

Откуда-то он знал, что далеко впереди появился свет – яркий, как от уличного фонаря. Хотя Райли не мог его видеть и даже не мог сориентироваться, где это – «впереди», он не сомневался, что свет существует на самом деле.

«Я прибываю», – осознал он.

Шеви стояла перед зеркалом и смотрела, как ее отражение раздваивается. На какое-то мгновение она решила, что окончательно сходит с ума, но потом сообразила: это просто зеркало треснуло, от пола до потолка.

«Плохая примета, – подумала она. – Кому-то не повезет. Наверное, мне».

По стенам побежали новые трещины, извилистые и зазубренные, как молнии, раскалывая комнату на части.

Что это, землетрясение? Разве в Лондоне они бывают?

Зеркало звонко треснуло, потом еще раз, потом принялось лопаться на тысячи осколков с треском автоматной очереди. Вырвавшись за пределы зеркала, трещины побежали по стенам. Шеви опомнилась только тогда, когда лакированные доски пола под ее кроссовками разошлись, вздыбились и начали осыпаться градом щепок в разверзшийся в полу пролом.

– Что за черт?.. – взвизгнула она, кидаясь к двери запасного выхода.

Потолочные светильники припадочно замигали, а потом разом взорвались, осыпав Шеви дождем осколков и искр. Через окно она успела заметить, как лопаются и гаснут уличные фонари вдоль всей Бэйли-стрит и вокруг самой площади. Темнота волной катилась в сторону Ковент-Гардена и Сохо, словно какое-то чудовищное порождение ночи пожирало один за другим любые источники света.

Что случилось с напряжением? Оранж наверняка знает.

Но сейчас Оранжа на месте не было. Это было ее дежурство.

Пуленепробиваемое стекло в окне, выходившем на фасад, тоже разошлось трещинами, впуская внутрь звуки внешнего мира: скрежет и лязг сталкивающихся на Тоттенхэм-Корт-Роуд машин и панические крики людей под покровом внезапно нахлынувшего густого лондонского сумрака.

«Что бы там ни происходило, началось оно здесь», – поняла Шеви.

Она бросилась к стенному сейфу, набрала код, распахнула дверцу и вытащила свой «Глок 22» в наплечной кобуре, к которой был прилажен дополнительный ремешок – чтобы оружие плотнее прилегало к левому боку, не оттопыриваясь. Девушка привычно накинула ремень на плечо и выхватила пистолет.

Держа оружие перед собой на вытянутых руках, Шеви напряженно вглядывалась в зеленоватое мерцание очков ночного видения, от всей души надеясь, что не увидит ничего такого, что вынудит ее стрелять.

«Я даже не знаю, как он выглядит, тот человек, который должен появиться из аппарата. Если я пристрелю свидетеля, Калифорнии мне не видать, как своих ушей».

Прижимаясь к стене, Шеви перебежала лестничную клетку. Кирпичи в стене дрожали, штукатурка крошилась и отваливалась кусками.

«А этот кусок здорово похож на Техас, – подумала вдруг Шеви. – Чего только не приходит иногда в голову...»

Померцав, наконец включились лампочки аварийного освещения, заливая помещение казенным желтым светом.

«Уже лучше, – подумала Шеви. – Теперь я могу видеть, что происходит. Надеюсь, ровным счетом ничего особенного».

Затем ее посетила еще одна мысль.

Агент Оранж. Он наверняка решит, что во всем виновата она.

Тряхнув пистолетом, Шеви заставила себя сосредоточиться и решительно свернула к лестнице. Осторожно спустилась на два пролета. Подвальные ступеньки были относительно целы, однако дверь была заметно покорежена, а кодовая панель как будто расплавилась.

«Что могло расплавить стальную дверь?» – принялась размышлять специальный агент Савано, и тут же получила ответ на свой вопрос: через расплавленную дыру с налитыми жаром раскаленными краями полыхнула молния, отколов от стены напротив изрядный кусок бетона.

Молния. Отлично.

Шеви вдруг осознала, что сидит на корточках, держа дверь на мушке.

Молодец, агент. Так держать. Пристрели чертову молнию.

Она выждала несколько минут, пока вспышки молний не прекратились, и сбежала по оставшимся ступенькам вниз.

От подвальной двери остался один косяк, рваные оплавленные края которого уже остывали.

Одним прыжком, от которого ее инструктор в Куантико, Корд Валликозе, преисполнился бы законной гордости, Шеви метнулась в зияющий дверной проем, перекатилась по полу и тут же вскочила на ноги, направив пистолет в сторону коридора. Только позже она заметила, что острые края двери сильно разодрали ей бок, но в тот момент она даже не почувствовала боли.

Никакой видимой опасности за уничтоженной дверью не оказалось, только пыль и разруха. Аппарат ПАУКСа сорвало с креплений, и теперь он лежал на боку, выставив верхушку в подвальный коридор. Картина получилась точь-в-точь такой, будто в дом врезалась космическая ракета.

Но это звучит не более фантастично, чем то, что произошло на самом деле: здоровая машина высосала все соки из центра Лондона.

И Шеви поклялась себе, что, как только агент Оранж появится, она будет держать его на мушке до тех пор, пока он не выложит начистоту, какое отношение проклятая железяка в стиле эпохи зарождения космонавтики имеет к защите свидетелей.

Обычно этот потускневший аппарат с дизайном а-ля ретро напоминал Шеви экспонат с научно-технической выставки, но сегодня машина выглядела живой и абсолютно работоспособной... в чем бы эта работа ни заключалась. Подведенные к ее основанию мощные силовые кабели гудели и потрескивали, как электрические угри, а десятки огоньков на панелях корпуса энергично мерцали, слаженно выписывая замысловатые узоры.

Значит, сегодня как раз тот день, когда некий важный человек должен выйти из аппарата. Но ведь такого не бывает.

– Эй вы, там... э-э... в модуле, – позвала она, чувствуя себя полной идиоткой. – Выходите с поднятыми руками.

Из металлической пирамиды никто не появился, однако люк с шипением стравил газ и тут же отвалился, тяжело грохнув об пол. Над отверстием заколыхались призрачные облачка пара.

«Что ж, это что-то новенькое», – подумала Шеви, проверяя большим пальцем спущенный предохранитель «глока».

Внутри аппарата блеснул оранжевый свет, по стенам замечались неровные тени.

«Там, внутри, есть кто-то живой», – поняла Шеви.

Райли почувствовал, что молекулы его тела постепенно слипаются вместе, становятся плотнее... и вскоре осознал, что чувства вернулись к нему.

«Я жив», – успел обрадоваться он, но тут на него нахлынул такой холод, что зубы едва не крошились, выбивая лютую дробь.

Его рука по-прежнему крепко стискивала рукоять кинжала, который до сих пор торчал из груди убитого старика.

«Я не могу отпустить его», – осознал мальчик. – Не могу разжать пальцы».

Райли попробовал осмотреться, как учил его Гаррик.

Он находился внутри чего-то вроде большой железной бочки, на холодных стенах которой мерцали загадочные огоньки.

«Я вернул этого волшебника обратно к его народу с клинком в груди и моей собственной рукой на рукояти. Они меня вздернут».

«Беги, – сказал ему инстинкт. – Беги, пока тебя не бросили в камеру смертников или, что еще хуже, пока Гаррик не нашел тебя».

Но холод давил на плечи тяжелой глыбой, и Райли уже понимал, что скоро он заснет и не проснется, как еще один из тысяч уличных бродяжек, гибнущих в Лондоне каждой зимой.

Шеви привстала и, крадучись, перебежала ближе к аппарату, не сводя прицела с открытого люка.

– Выходи с поднятыми руками, – приказала она снова, но из модуля опять никто не появился.

Чтобы подобраться вплотную к люку, Шеви понадобилось секунды три, но ей они показались годами. Мир вокруг словно замедлился. Адреналин кипел в ее крови, ускоряя работу сердца и легких. Искры плавно осыпались с оборванных кабелей, облака пара, казалось, и вовсе замерли в воздухе.

«Соберись, специальный агент, – велела она себе. – В модуле кто-то есть».

До нее донесся тихий звук: внутри что-то заскреблось.

Может, там собака? Или другое животное?

И что ей с ним делать?

Внезапно время снова побежало быстрее, и Шеви оказалась прямо перед люком. Из отверстия веяло холодом, и яркие оранжевые искры сверхъестественным образом стягивались друг к другу, пытаясь объединиться в нечто вещественное.

Может, она целится в привидение?

Но в тесном нутре аппарата было что-то еще – скрюченное и дрожащее.

– Не двигаться! – рявкнула Шеви своим самым грозным фэбээровским голосом. – Замри, или я выстрелю.

Из глубины оранжевого облака послышался слабый голосок:

– Я и так не могу двинуться, мисс. Клянусь.

И прежде чем Шеви успела понять, почему странный акцент говорившего напомнил ей о романах Диккенса, облако рассеялось, явив взгляду фигуру мальчика, склонившегося над стариком.

Мальчик был жив, а старик – совсем наоборот. Очевидно, по той причине, что из груди у него торчал загнанный по рукоятку нож. Это прискорбное состояние оказалось не единственной странностью покойного: застывшие на груди потеки крови были желтого цвета, а одна из рук выглядела так, словно досталась ему от гориллы.

«Не думай об этом. Делай свою работу!»

– Ладно, малыш. Отойди от него... от этой штуки.

Мальчик сморгнул, пытаясь разглядеть, кто отдает ему приказы.

– Я не делал этого, мисс. Нам нужно уходить отсюда. Он скоро придет за мной.

Приняв решение за долю секунды, Шеви метнулась внутрь аппарата, ухватила парнишку за воротник, выволокла его наружу и прижала к полу свободной рукой, не выпуская оружия.

– Кто придет, малыш? Кто придет за тобой?

Мальчик тарасился на нее расширенными от ужаса глазами.

– Он придет. Гаррик. Маг. Он сама смерть.

«Отлично, – подумала Шеви. – Сначала этот обезьяноподобный покойник, а теперь Смерть собственной персоной. Да еще и волшебник к тому же».

Почувствовав спиной чье-то присутствие, Шеви подняла голову и увидела агента Оранжа во всем его сером великолепии, который появился из коридора и теперь торопился к аппарату.

– Отличный способ нарваться на пулю, Оранж. Что вы вообще здесь делаете? Я не нажимала кнопку тревоги.

Оранж сдернул свои серебристые очки и обозрел разгром.

– Что ж, агент Савано, когда пол-Лондона осталось без электричества, я догадался, что, возможно, модуль ПАУКСа активировался.

В шести футах от люка Оранж помедлил.

– Вы заглядывали внутрь, Шеви?

– Да. Заглядывала. И что, теперь я умру от лучевой болезни?

– Нет, разумеется, нет. Там... там кто-нибудь есть? Мой отец там?

Отец Оранжа? Все интереснее и интереснее.

Шеви снова глянула на распростертого на полу мальчика.

– В модуле были два человека. Этот мальчик и пожилой мужчина. И я очень надеюсь, что он не ваш отец.

Но, судя по тому, как складывался сегодняшний денек, готова поспорить, что тот старик-обезьяна и в самом деле приходится Оранжу папашей.

И тут Шеви осознала, что, хотя агент Оранж никогда не внушал ей особого доверия, в эту минуту ей стало его по-настоящему жаль.

3. Боевые ботаники

Бэдфорд-сквер. Блумсбери. Лондон. 1898

Альберт Гаррик сидел, сгорбившись, на холодном полу и жмурился, чтобы не потревожить запечатлевшуюся в его глазах картину: тающий призрак, сотканный из оранжевых искр.

Магия существует.

Поистине революционная мысль в просвещенный индустриальный век логики и разума. Трудно поддерживать в себе веру в только что увиденное чудо, если единственное его доказательство тут же исчезло. Было бы куда проще списать все эти фантастические события на галлюцинацию... но он не станет этого делать.

«Это было испытание, – решил он. – Сегодня наступила моя ночь возможностей, и я должен найти в себе силы не упустить шанс».

Гаррик всегда верил только в кости, плоть и кровь – одним словом, в материю, которая не вызывает сомнений, которую можно потрогать руками. Но сегодня в его жизни появилось нечто иное... нечто небывалое.

Магия.

Сколько Гаррик себя помнил, магия манила и зачаровывала его. Еще мальчишкой он часто таскался за своим отцом в лондонский театр «Адельфи» и из-за кулис смотрел, как отец стирает пыль с декораций или метет сцену, подобострастно лебезя перед актерами. Даже тогда раболепное преклонение отца вызывало у юного Альберта Гаррика злость. Да кто они такие, эти люди, которые смеют обращаться с ним с таким пренебрежением? Жалкие ремесленники, поденщики от искусства, бездары...

Среди актеров существовала своя иерархия. Самую вершину ее занимали оперные солисты, за ними следовали комики, затем – красотки из хора, фокусники и дрессировщики. Маленький Альберт увлеченно наблюдал за мелкими драмами закулисного мирка, которые разыгрывались на его глазах чуть ли не каждый вечер: дивы бились в истериках из-за того, что отведенное им место в гримерке оказывалось не таким удобным, как они ожидали, или букет в день премьеры оказывался не таким огромным, как у соперницы. Звенели пощечины, хлопали двери, вдребезги разлетались разбитые вазы.

Один особенно чванливый тенор, итальянец по имени Галло, счел, что фокусник из их труппы не выказывает ему должного почтения, и решил выставить его на посмешище во время празднования собственного дня рождения в пивной «Угольная яма» на Стрэнде. Гаррик наблюдал за их стычкой, притулившись возле камина, и она врезалась ему в память так ярко, что он мог припомнить все до последней мелочи даже сейчас, почти сорок лет спустя.

Фокусник, носивший имя Великий Ломбарди, имел сложение жокея: невысокий и жилистый, с чуть великоватой для такого тщедушного тела головой. Тонкие, ниточкой, усы придавали ему несколько суровый и строгий вид, а гладко причесанные напояженные волосы еще больше усиливали это впечатление. Ломбарди тоже был итальянцем, только родом с юга, из Апулии, которую римлянин Галло считал краем простоватых селян, и очень любил делиться этим своим мнением по поводу и без. А поскольку Галло был одним из ведущих актеров, Ломбарди оставалось безропотно терпеть постоянные насмешки и издевательства. Вот только Галло следовало бы помнить, что все итальянцы – люди гордые, и проглоченные обиды разъедают их изнутри, точно желчь.

Тем самым вечером, усладив для начала собрание чуть хриплым исполнением «Застольной песни» из «Травиаты», Галло неторопливо прошелся через зал к месту, где сидел фокусник и фамильярно похлопал его своей мясистой ручищей по костлявому плечу.

– А скажи-ка нам, Ломбарди, правда ли, что апулийским беднякам приходится драться со свиньями за съедобные корни?

Присутствующие захохотали и зазвенели бокалами, поощряя Галло к дальнейшим выходкам.

– Молчишь? Ладно, синьор Ломбарди, тогда поведай нам, как южные женщины одалживают у своих мужей бритвенные приборы, чтобы прихорошиться перед воскресной службой.

Это было уже чересчур: всегда невозмутимый и молчаливый иллюзионист молниеносно выхватил из рукава длинный кинжал и, как всем показалось, вонзил его Галло под подбородок, однако вместо струи крови перед ошарашенными глазами публики заалела лишь гирлянда шелковых носовых платков. Галло завизжал, как перепуганный ребенок, и рухнул на колени.

– Кстати, о бритвах, – сказал Ломбарди, спокойно убирая в карман свое обманное оружие, – кажется, синьор Галло немного порезался при бритье. Но не волнуйтесь, он выживет... на этот раз.

Победа безусловно осталась за фокусником, а тенор, не выдержав унижения, следующим же утром сел на паром из Нью-Хейвена во Францию, разорвав контракт и заявив, что ноги его больше не будет в мюзик-холлах Великобритании.

Месть, подкреплённая удачной фразой, удалась на славу, и в тот вечер, сидя у огня, юный Гаррик дал самому себе клятву: «Настанет день, и я тоже обрету силу требовать к себе такого же уважения».

После этого Альберт Гаррик целых полгода служил у фокусника на побегушках, пока наконец Великий Ломбарди не согласился взять его к себе в ученики. Для Гаррика распахнулась дверь в новый мир.

Сейчас Гаррик снова размышлял о своей клятве, сидя на полу мрачного дома на Бэдфорд-сквер, в комнате, где только что произошло убийство.

«Настанет день, и я тоже обрету силу...»

Наконец-то этот день настал.

Гаррик обмакнул кончики пальцев в натекшую на постель лужицу крови и долго смотрел, как густая жидкость медленно стекает по его бледным кистям. Темные потеки напомнили ему о боевой раскраске дикарей в постановке «Буффало Билл на Диком Западе». Помнится, он водил на Райли.

«Кому-то придется прийти сюда, чтобы хорошенько прибраться», – подумал он, и провел пальцами по щекам, вымазав их кровью убитого.

Они непременно явятся, и тогда он отнимет у них всю магию и силу... и возьмет себе.

Бэдфорд-сквер. Блумсбери. Наше время

Специальный агент Шеви Савано негодовала. От нее скрывают важную информацию, держат ее за дурочку! Поэтому, едва посадив странного мальчишку под замок в камеру предварительного заключения, она ринулась в подвал, где находился аппарат, с намерением немедленно разобраться с агентом Оранжем. Но ее возмущение тут же схлынуло, как вода из отжатой губки, при виде напарника, который стоял на коленях у открытого люка, угрюмо уставившись на лежащее внутри модуля тело.

– Это... мой отец, – сказал он, не поднимая головы. – Должно быть, умер при прохождении червоточины или еще до нее. Быстрая потеря энергии объясняет многочисленные мутации.

Шеви никогда не думала, что ей придется услышать слова «червоточина» или «мутация» кроме как в фантастических фильмах.

– Вы должны рассказать мне все, агент Оранж.

Оранж кивнул, а может, просто обессиленно уронил голову.

– Да, знаю. Конечно. Но сначала нужно вызвать команду чистильщиков. Я не знаю, что мой отец мог оставить после себя. Позвоните в Лондонское отделение и скажите им, чтобы прислали аварийно-санитарную группу из Службы внутренней безопасности. Возможно, оснований для тревоги нет, но я все же должен вернуться туда и проверить.

– Вернуться куда? Что такое этот аппарат? Какое-то транспортирующее устройство? Если мы обладаем такими технологиями, общественность наверняка докопается до этого.

Агент Оранж глухо рассмеялся:

– В сети существуют тысячи сайтов, посвященных всяким запрещенным технологиям. На двух из них даже выложены чертежи этого модуля. Люди верят тому, что им навязывает реклама, а не чокнутые теоретики всемирного заговора спецслужб.

– Так значит, это транспортное устройство?

Оранж явно затруднился с ответом.

– В некотором роде, пожалуй. Я намерен расширить ваш допуск к материалам ПАУКСа. Войдите в мою сетевую папку. Пароль ГДУЭЛЛС. В одно слово, заглавными буквами. В этих файлах есть все, что вам нужно знать.

Шеви уже миновала половину лестницы, направляясь к своему компьютеру, когда сообщила, почему пароль показался ей знакомым.

Г. Д. Уэллс. Машина времени.

«Машина времени? – подумала она. – Бред».

Хотя едва ли больший бред, чем обезьянья рука и желтая кровь.

Шеви позвонила в Лондонское отделение, чтобы оформить вызов команды из Службы внутренней безопасности. Минут пятнадцать ее перебрасывали с одного номера на другой, изматывая уклончивыми ответами, пока она не назвала имя агента Оранжа. Ее тут же соединили напрямую с нужным отделом и заверили, что аварийно-санитарная бригада будет на месте менее чем через час. Едва она успела положить трубку, из дыры, оставшейся на месте входной двери, вынырнула бригада бравых лондонских пожарных с непреклонным намерением проложить себе путь через здание с помощью топоров. Их вежливо, но решительно отправила восвояси дюжина мускулистых федералов в черной форме, которые прибыли значительно раньше аварийной бригады и тут же занялись установкой ограждения вокруг особняка на Бэдфорд-сквер.

Как только Шеви удостоверилась, что периметр надежно обезопасили, она отловила командира этих здоровяков и, глядя в его зеркальные очки, заявила, что ей нужно отлучиться на десять минут в командный центр.

Этого времени ей вполне хватит, чтобы разобраться, что за чертовщина тут происходит.

Шеви с удивлением обнаружила, что весьма неплохо справляется с потрясениями этого дня. Впрочем, она всегда хорошо держалась в экстремальных ситуациях, но сегодняшние события, пожалуй, можно было смело отнести к незаурядным. Похоже, здесь творится какая-то научная фантастика. А значит, мир на самом деле совсем не такой, каким она его себе воображала.

«Помни об этом, – велела она себе. – И прочти файлы».

Шеви наткнулась на папку Оранжа среди других сетевых файлов еще тогда, когда впервые попала на Бэдфорд-сквер, но до сих пор ей ни разу не удавалось получить к ней доступ. Наводя курсор на заветную иконку, Шеви почувствовала, что всерьез разволновалась.

Что же ей предстоит узнать? Если существуют путешествия во времени, то почему бы не быть инопланетянам? Или вампирам? Ей совсем не хочется превращаться в одну из тех киношных девиц из ФБР, которые охотятся за всякими монстрами. Они всегда плохо кончают, эти девицы.

Шеви открыла папку и с некоторым замешательством обнаружила в ней более двухсот файлов, расположенных в алфавитном порядке. Шеви изменила представление файлов так, чтобы они выстроились по дате изменения, и выбрала один под названием «Обзор проекта Оранж». Она начала читать, заставляя себя не спешить и тщательно впитывать каждое слово. Через двадцать минут полной сосредоточенности она откинулась на спинку офисного кресла и прикрыла рот ладонью, чтобы сдержать рвущееся наружу истерическое хихиканье.

«Вы меня разыграли», – подумала она, затем отняла руку от лица и крикнула в раскрытую дверь коридора:

– Вы меня разыграли!

Оранж был внизу, в малой операционной. Он выволок своего мертвого отца из модуля и уложил на стальную каталку, прикрыв все тело, кроме лица, белой простыней. Когда Шеви вошла, он нежно обмывал губкой лоб старика.

– Как вы думаете, почему тот мальчишка убил вашего отца?

– Я не знаю. Видеозапись почти ничего не показывает. То мальчишки не было, а в следующую секунду он уже появился. Скорее всего, этот малый просто воришка.

– Воришка из прошлого. И что мы будем с ним делать?

Оранж сжал губку так, что костяшки его пальцев побелели.

– Этого я тоже не знаю. Никто и никогда не приводил с собой местных. Можем просто пристрелить его – оружие у меня есть.

– Пристрелить. Отличная идея. Агент Оранж, вы в порядке? Мне пока принять дежурство?

Оранж криво улыбнулся, и Шеви в который раз подумала, что у ее напарника есть большой арсенал разнообразных улыбок, но ни одна не выглядит счастливой.

– В этом нет нужды, агент, я в полном порядке.

– Но ведь это ваш отец.

– Нас связывает только имя. Я не видел этого человека давным-давно. Моя настоящая семья – это Бюро.

– Ух ты. Кажется, это самое печальное, что мне приходилось слышать.

Еще одна улыбка, на этот раз страдальческая.

– Полагаю, вы правы.

– Мне по-прежнему называть вас «агент Оранж»?

– Нет. Профессор Смарт вполне подойдет. Или просто Феликс.

– Профессор Феликс Смарт. Сын пропавшего без вести шотландского гения квантовой физики Чарльза Смarta. У вас такой же нос.

– Зато кровь отличается, хвала Господу. Желтую кровь каждый сканер в аэропорту засечет.

Шеви пропустила мимо ушей эти слабые потуги на юмор.

– Так что же случилось с вашим отцом? Из файлов я этого так и не поняла.

Феликс Смарт заговорил, не сводя глаз с отцовского лица.

– Мой отец сделал открытие. Убедившись, что квантовая теория Эйнштейна в основном верна, он сумел создать стабильную червоточину... канал через пространственно-вре-

менной континуум, с помощью одного редкого вещества с отрицательной энергетической плотностью.

— Так и знала, что кто-нибудь в конце концов до этого додумается, — ляпнула Шеви с каменным лицом и тут же подумала: нельзя ли снова активировать модуль ПАУКСа, чтобы она, Шеви, могла вернуться во времени на пять минут назад и удержаться от ерничанья над своим напарником, который только что потерял отца. И, кстати, изуродованный мутациями труп этого отца лежит здесь же, на столе. — Мы не могли бы поговорить об этом снаружи?

— Да, разумеется. — Феликс Сمارт вышел вместе с Шеви в коридор, продолжая говорить по дороге. — Несколько лет деятельность моего отца финансировал Эдинбургский университет, затем он перебрался в Лондон, в более крупную лабораторию, и стал работать совместно с исследовательским отделом Гарварда. Я к тому времени уже служил в ФБР в Вашингтоне. Когда стало ясно, что отец добился кое-каких успехов, я уговорил своего начальника познакомиться с его наработками поближе. По моему акценту об этом не догадаешься, но я долго жил в Вашингтоне с матерью, после того как мои родители развелись. Консультантам Бюро идея понравилась, и они стали вкладывать в отца деньги, а мне было поручено присматривать за развитием проекта. Очень скоро мы увидели первые результаты. Сначала испытали установку на животных. Потом на смертниках.

Эта новость Шеви не особенно шокировала. Она знала, что в последние годы для некоторых государственных служб сделки с приговоренными к смерти преступниками при проведении разного рода испытаний стали обычной практикой. Правительство испытывало на смертниках все что угодно, от резиновых пуль до пилюль, пробуждающих способность к телепатии.

— Испытания прошли вполне успешно. Конечно, изредка возникали кое-какие аберрации³, обычно во время обратной переброски, но они составляли менее одного процента, то есть в плане статистики были вполне приемлемы. А потом чью-то светлую голову осенила идея, что можно отправлять в прошлое особо важных свидетелей.

Шеви подняла палец:

— Повторите последнюю фразу еще раз. Я хочу убедиться, что не ослышалась.

— Если человека перебросить в девятнадцатый век, до него не доберется и сам Джон Готти⁴, верно? Мы отправляли свидетелей в прошлое в сопровождении оперативного сотрудника, а затем возвращали их домой для дачи показаний.

— То есть ФБР осуществляет защиту свидетелей, отправляя их в прошлое?

— Да. Хотите, чтобы я повторил это еще раз?

— Нет, спасибо. Я поняла.

— Разумеется, это чрезвычайно дорогостоящий способ. Энергозатраты на один-единственный запуск таковы, что их хватило бы для освещения целой небольшой страны. Поэтому данным способом защиты пользовались только те свидетели, которые подвергались наиболее высокому риску с точки зрения безопасности, и которым приходилось ждать завершения следствия несколько лет. За десять лет фактической работы ПАУКСа мы заслали в прошлое всего четырех свидетелей, на разные периоды времени. В результате некоторые высокопоставленные офицеры разведслужб сочли, что расходы правительства не покрываются эффективностью программы, и полковник Клейтон Бокс, очень энергичный тип из спецназа, предложил использовать наши технологии для особых миссий.

— Мокрая работа? Убийства?

— Совершенно верно. Представьте, мы могли бы вернуться в прошлое и остановить террористов, пока они еще ходили в школу. Отцу эта идея страшно не понравилась. Несмотря

³ Отклонения от нормы, ошибки, погрешности.

⁴ Крупный босс нью-йоркской мафии в 1980—1990-х годах.

на все мои увещания, он все больше превращался в параноика. Ему повсюду мерещились заговоры, и в конце концов он пришел к убеждению, что результаты его исследований были похищены. Однажды утром он попросту исчез – перенесся в прошлое, прихватив с собой все запрограммированные пульта и коды доступа. Отец мог вернуться в любой момент, зато мы не могли последовать за ним, не имея нужных программ и кодов, которые он хранил в собственной памяти. Именно он изобрел язык для программирования модулей, а значит, без него ПАУКС фактически прекратил свое существование. Мой отец был единственным ключом. За все это время мы так и не смогли взломать его машины. Мы потеряли Терренса Картера, ключевого свидетеля по крайне масштабному делу о коррупции. Приставленный к нему телохранитель тоже был убит вместе с ним. Не говоря уже о том, что обошедшиеся в миллионы долларов модули ПАУКСа, размещенные в местах прохождения червоточин, превратились в бесполезный хлам. По иронии судьбы, полковник Бокс и вся его группа погибли в ходе одной из операций всего несколько недель спустя, так что угроза ПАУКСу сама собой устранилась.

Шеви помолчала, усваивая обрушившийся на нее поток информации, а затем задала вопрос, который ее особенно беспокоил.

– Значит, желтая кровь и обезьянья рука – это еще не все возможные аберрации?

Феликс Смарт ответил совершенно невозмутимо, как будто прибытие из прошлого трупа, отчасти превратившегося в обезьяну, было самым обычным делом.

– Вероятность возникновения сразу двух аберраций чрезвычайно низка. Раньше у смертников изредка случались мутации при прохождении через червоточину. Согласно отцовской теории, временные туннели обладают памятью, которая может вызывать нарушения в квантовой пене. Молекулы перемешиваются между собой. В девяноста девяти процентах случаев наши испытуемые проходили червоточину без каких-либо заметных отклонений, хотя нам случалось наблюдать лишние конечности, возникновение экстрасенсорных способностей, а однажды даже динозавровую голову.

Шеви пришлось постараться, чтобы сохранить непроницаемое выражение лица.

– Голову динозавра?

– Звучит фантастично, верно? Думаю, это был велоцираптор. Нам не удалось выяснить точно.

– Динозавр умер?

Феликс Смарт нахмурился:

– Технически, велоцираптор покончил с собой. В нем еще оставалось достаточно ученого разума, чтобы осознать, что произошло. Так что он схватил пистолет и выстрелил себе в голову. Жуткая история.

Шеви охватило странное чувство, словно ее мозг в мгновение ока перенесся через несколько часовых поясов.

«У меня легкий шок, – поняла она. – Мой мозг не в состоянии усвоить слова, которые слышит. Если его ненадолго оставить в покое, он с этим справится».

– И что же будет дальше, Оранж... профессор?

Прежде чем Феликс успел ответить, негромко пиликнул его телефон: пришло сообщение. Агент вынул из кармана плоский серебристый аппарат и глянул на дисплей.

– Аварийная бригада из Службы внутренней безопасности уже здесь. Значит, сейчас мы скопируем координаты с отцовского пульта и вернемся туда, где он прятался. Может быть, найдем какие-нибудь записи и приберем то, что он мог после себя оставить. Мы же не хотим, чтобы, так сказать, местные жители наткнулись на папины чертежи и построили какие-нибудь суперлазеры на сто лет раньше положенного срока. А вы останетесь здесь и проанализируете видеозапись с пульта на нашей установке.

Шеви смотрела, как ее начальник/напарник решительно зашагал к лестнице, снова собранный и деловитый. А ведь еще и часа не прошло с тех пор, как он потрясенно взирал на тело своего убитого отца.

«Не человек, – подумала она. – Айсберг».

Райли лежал, вытянувшись на низкой койке в камере. Руки он держал перед самым лицом, стиснув в кулаки, чтобы они не тряслись так сильно.

Первой его мыслью было: «Я в другом мире». А второй: «Гаррик. Он придет за мной. Можете смело ставить на это последний шиллинг».

Райли попробовал подумать о чем-нибудь еще.

Сколько он себя помнил, у него никогда не было друга, так что он привык искать поддержки в своей собственной душе. Но иногда, не то во сне, не то в мечтах, он видел высокого парня с рыжей шевелюрой и широченной улыбкой и приобрел привычку мысленно разговаривать с этим парнем, чтобы успокоиться.

«Я жив, верно, Рыжик? И, может быть, эта тюрьма достаточно далеко. Так далеко, что даже Гаррику до нее не добраться».

Но сколько бы Райли ни повторял эти слова, он сам никак не мог в них поверить.

Тогда Райли решил вообще перестать думать о Гаррике, но не так-то просто успокоиться, если лицо безжалостного убийцы все время стоит у тебя перед глазами.

Что ж, тогда надо подумать о чем-нибудь другом.

Скажем, о желтой крови, истекающей из сердца того старика. И еще рука у него была какая-то странная, как будто обезьянья. А как насчет той бесстыжей девицы в длинных черных подштанниках? Какой-то он чудной, этот новый мир, и даже тюремная камера в нем выглядела необычно.

Впрочем, у каждой тюрьмы есть дверь, а у каждой двери есть замок.

Так говорил Гаррик.

Безусловно, в этих словах была своя мудрость. Райли заставил себя встать и пройти двенадцать шагов до двери. Если это в самом деле тюрьма, значит, из нее можно бежать. И он сбежит, как Эдмон Дантес из ужасного замка Иф в романе «Граф Монте-Кристо», одной из его любимых книг.

В последние годы книги сделались страстью мальчика и поддерживали его долгими одинокими часами в холборнском театре «Ориент», который он и Гаррик сделали своим жилищем. Гаррик часто исчезал на несколько дней, а к своему возвращению ожидал, чтобы дом был прибран, а на столе стоял горячий обед. Когда убийца усаживался в кухне, с аппетитом приступая к жаркому и постукивая коленями снизу по столешнице, он царственно взмахивал ложкой, и для Райли это было знаком приступать к обычному вечернему развлечению наставника. Мальчику надлежало ублажить его примерным пересказом какого-нибудь нового романа, который ему поручено было прочесть.

«Давай-ка поживее, сынок, – частенько говаривал Гаррик. – Больше чувства. Заставь меня поверить, что я сам оказался на тех страницах».

«Я тебе не сын, – думал Райли. – И на тех страницах хотел бы оказаться я».

Поначалу, когда Гаррик затеял эти пересказы, Райли терпеть их не мог и почти уже возненавидел сами книги, но «Приключения Шерлока Холмса» коренным образом изменили его отношение к чтению. Книга попросту оказалась слишком хороша, чтобы отнестись к ней с презрением. Райли уже не мог ненавидеть ни сэра Артура Конан Дойля, ни собственных родителей, которых он совсем не помнил, хоть Гаррик частенько напоминал ему, как они бросили его, подвесив в мешке из-под муки на ограде исправительной тюрьмы Бетнал-Грин. Именно там фокусник нашел его и спас от трущобных каннибалов.

«Будь мистер Холмс сейчас рядом, он обязательно подсказал бы мне, что делать, – размышлял Райли, простукивая дверь костяшкой указательного пальца. – Гениальный сыщик – это то, что доктор прописал. Или, на худой конец, взломщик...»

Дверь камеры оказалась обычным образчиком тюремной обстановки: тяжелая стальная створка с окошком, в которое вполне могла бы пролезть средних размеров собака, не будь оно застеклено.

Или эскапологист⁵...

Райли прикинул, что смог бы протиснуться сквозь окошко, если только найти способ убрать стекло.

Гаррик заставлял его пролезать и в более узкие щели.

Но стекло со всех сторон уходило внутрь дверной створки и выглядело абсолютно гладким: ни трещин, ни пузырьков.

«А эти люди знают толк в стекле, – вынужден был признать Райли. – Тогда остается замок».

Устройство замка окончательно поставило Райли в тупик. В него было не просунуть даже зубочистку. Райли так и сляк исследовал замочную скважину кончиком пальца, пока не сломал ноготь. Видимых петель у двери не было, а щель под ней была такой ничтожной, что в нее не мог просочиться даже сквозняк.

Непростая задачка. Даже для Альберта Гаррика.

Впрочем, Гаррик пришел бы снаружи, а не изнутри. А попасть внутрь всегда проще, особенно если убить того, кто хранит ключи от этой тюрьмы, и забрать их.

Райли вздрогнул. Сейчас он мог бы поклясться, что чувствует, как Гаррик подходит все ближе и ближе, и воздух холодеет при его приближении.

Дверь негромко щелкнула и стала медленно открываться внутрь. Райли замер, затаив дыхание: он уже не сомневался, что это Гаррик пришел за ним, чтобы увести на расправу. Но в дверном проеме стоял не фокусник, а та самая полуодетая девица, которая заперла его в камере.

– Отойди от двери, малыш, – сказала девушка. – Ложись на кровать, руки за голову.

Тон у нее был вполне дружелюбный, но при этом в тонких девичьих пальцах был зажат здоровенный пистолет, которым, по мнению Райли, можно было с равным успехом как стрелять пулями, так и копать могилу. С такими пистолетами не спорят, поэтому Райли сделал, как ему было сказано, и настороженно уставился на девушку.

Та, видимо, вполне удовлетворилась и шагнула внутрь камеры, оставив за собой заманчиво приоткрытую щель. Райли быстро прикинул возможность метнуться к спасительной двери и выскользнуть наружу, но мимолетный блик на стволе пистолета намекнул ему, что лучше подождать другого подходящего случая.

– Скажите, мисс, – сказал Райли, – неужели я попал в шоу о Диком Западе? Вы похожи на индейскую дикарку.

Шеви пристально взглянула на мальчика, не сводя с него прицела.

– Вообще-то мы уже давно не используем этих слов. Представь себе, некоторым людям не нравится, когда их называют дикарями.

– Я как-то видел представление о Буффало Билле. Вы похожи на индианку из племени апачи.

Шеви чуть улыбнулась.

– Если уж тебе это так интересно, то не апачи, а шауни. Ну да ладно, хватит болтать. У тебя за головой перекладина, возьмишь за нее правой рукой.

⁵ Цирковой артист, демонстрирующий умение освобождаться от любых пут, цепей и замков.

Райли снова подчинился, однако, догадавшись, к чему идет дело, постарался растопырить кисть как можно шире. И напрасно.

– Ну разумеется, малыш. Старый фокус. Ты что, думаешь, я только что закончила школу идиотов?

– Почему вы называете меня малышом? Мы ведь почти ровесники.

Шеви наклонилась над Райли и защелкнула на его запястье наручники.

– Да? Ну, вообще-то, мне уже семнадцать. А тебе я бы не дала больше двенадцати.

Затянув один браслет потуже на руке мальчика, она накинула второй на перекладину кровати спинки.

– Неправда, мне четырнадцать, – возразил Райли. – И я очень быстро расту. Через год я буду уже на голову выше вас, мисс.

– Я вся трепещу, малыш. Но пока этот великий день не настал, запомни, что у тебя всего одна свободная рука, чтобы есть и чесывать задницу. Так что сначала советую поесть.

Теперь, когда мальчик был надежно прикован, Шеви распахнула дверь пошире и подперла ее стулом, чтобы иметь возможность видеть, что творится в помещении с модулем. Просто на всякий случай. Вдруг оттуда появится еще кто-нибудь.

Райли несколько раз дернул за цепь, проверяя ее на прочность, и Шеви ухмыльнулась.

– Все так делают, но позволь сообщить тебе, что у этих наручников прочность на разрыв больше трехсот пятидесяти фунтов, так что не теряй понапрасну времени. – Она покачала головой и продолжила: – Сколько же времени потеряно сегодня впустую, ты даже не представляешь.

Райли чуть не расплакался, но тут же устыдился собственного малодушия. Слезы не помогут ему спастись от Гаррика. Обстоятельства как никогда требовали от него присутствия духа.

– Мисс, вы обязательно должны отпустить меня прежде, чем он доберется сюда.

Шеви подтянула к себе железный стул и уселась на него верхом, уперев локти о спинку.

– Ах, да. Он. Смерть, верно? Он есть Смерть, и Смерть идет сюда. Страшное привидение.

– Нет, не привидение. Гаррик создан из плоти и крови, как вы и я. Это он убил старика с желтой кровью, и он убьет нас тоже, если мы не поспешим покинуть это место, где бы оно ни находилось.

Шеви уже готова была проникнуться жалостью к этому чумазому заморышу, но вспомнила, при каких обстоятельствах увидела его впервые.

– Скажи-ка мне лучше вот что, малыш. Почему бы нам не отвлечься на минутку от этого мрачного типа, которого ты называешь Смертью, и не сосредоточиться на том, зачем ты убил старика?

– Это не я, мисс, – затряс головой Райли. – Я бы никогда этого не сделал. Это Гаррик.

Шеви была неплохим физиономистом. У парнишки было открытое лицо с густыми бровями и остреньким подбородком. Нечесанные волосы могли оказаться какого угодно цвета, если их помыть. Глаза были поразительно синие, по крайней мере правый, левый сейчас казался черным из-за сильно расширенного зрачка. Одним словом, невинное лицо ребенка, а не убийцы. Если, конечно, он не психопат.

– Ах да, Гаррик. Мистер Смерть. Или, скорее, мистер Никто.

– Вы насмехаетесь надо мной, мисс. Вы думаете, я лгу.

Шеви сердито нахмурилась:

– Брось эти свои штуки насчет «мисс», малыш, а то я чувствую себя героиней старого романа. Называй меня агент Савано. Только не думай, что мы заделались друзьями, я всего лишь стараюсь вести себя воспитанно и не выносить суждений на твой счет, пока мне не известны все факты. А на твой географический вопрос отвечаю: мы в Лондоне, Англия.

Мальчишку эта новость явно взволновала.

– Вы сказали, в Лондоне? Это правда? Но это значит, что он уже где-то здесь. У нас нет времени, агент Са-ва-но. Мы должны срочно уходить отсюда. Вы не могли бы воспользоваться той оранжевой магией?

«Оранжевая магия. Агент Оранж, – дошло вдруг до Шеви. – Теперь я поняла».

– Послушай, малыш. Даже если этот твой Гаррик существует на самом деле, если он застрял на той стороне оранжевой магии, никакие божественные силы не перенесут его сюда.

Поразительные глаза мальчика таращились все так же широко и испуганно.

– Божественные, может быть, и не перенесут, но дьявольские могут.

– Вы, викторианцы, любите пафосно выражаться, верно? – фыркнула Шеви. – Как тебя зовут, малыш? Не могу же я называть тебя малышом вечно.

– Меня зовут Райли, – ответил мальчик.

– Как-нибудь Райли? Или Райли как-нибудь?

Райли пожал плечами:

– Этого я не знаю, агент Савано. И Гаррик тоже не знал. Мне вполне хватало одного имени. В записке, которую нашли при мне, было сказано только: «Это Райли, беспризорник. Позаботьтесь о нем». Когда он меня нашел, каннибалы собирались сварить меня. Он убил их всех, а последнего заставил сжевать кусок своей ноги в назидание.

– Смело могу сказать, что этот твой маг и чародей по кличке Смерть, который к тому же называет детей единственным именем и якобы способен путешествовать во времени, на редкость неприятный тип.

Райли вздохнул. Эта леди не понимает, кто такой Гаррик, да и откуда ей знать, на что он способен? Гаррик был по-своему уникальным существом, и неистовство его гнева мог осознать лишь тот, кто видел его или испытал на себе. Значит, придется ему разрабатывать план спасения самостоятельно. Хорошо бы отвлечь тюремщицу хоть ненадолго, чтобы выиграть время для размышлений. Райли слегка приподнялся и указал на татуировку на бицепсе агента Савано.

– А что означает эта стрелка, агент? Вы что, моряк?

Шеви хлопнула по синему рисунку ладонью.

– Этот знак называется шеврон, меня назвали в честь него. Но эту захватывающую историю я расскажу тебе в другой раз. Скажем, когда приду навестить тебя в тюрьме.

Леди определенно не попала на его удочку.

– Я невиновен, мисс... агент. Вы должны отпустить меня.

Шеви поднялась, крутанув стул ладонями за спинку.

– Мы еще вернемся к этому вопросу, когда я просмотрю видеозапись. Через часок я притащу тебе пару гамбургеров, а ты смотри, никуда не уходи, путешественник во времени...

Райли в задумчивости смотрел, как за ней закрылась дверь. Путешественник во времени?

И еще: что такое видеозапись?

И еще: зачем она притащит сюда немцев? Что ему с ними делать?

Прибывшая бригада ничуть не походила на обычные отряды по ликвидации всяких утечек опасных веществ и прочих аварий, которые Шеви доводилось видеть. Вместо белых противочумных комбинезонов на них были костюмы из какого-то странного материала вроде неопрена, и для группы ученых они выглядели несколько воинственно.

Шеви устремилась по подвальному коридору к агенту Смарту, который прилаживал на плечо ремень от арбалета.

– Кто эти парни? Химические ниндзя? И зачем вам этот лук?

– Как много вопросов сразу, агент Савано.

– Да, пожалуй, я немного отстала от жизни. До сегодняшнего дня, знаете ли, никто не упоминал о защите свидетелей путем перемещения их в прошлое. А теперь все так и скачут в это самое прошлое, а меня с собой не берут.

– У тебя нет специальной подготовки по работе с разнообразными опасными веществами, Шеви. А у этих парней есть, плюс серьезные боевые навыки. А что касается нашего снаряжения, то костюмы изготовлены на основе пеньки и полностью разлагаются на открытом воздухе, а оружие изготовлено по новейшим технологиям, но специально выглядит так, чтобы не слишком шокировать местных жителей, если нам придется с ними встретиться. Мы отправимся назад, приберемся там и вернемся домой. А если после нас там вдруг что-то останется, оно не вызовет эффекта домино.

– При всем уважении к... э-э-э... эффекту домино, почему вы не хотите вернуться в момент чуть раньше и спасти своего отца? Ведь теперь у вас есть его пульт со всеми координатами, и вы точно знаете, где он скрывался.

Агент Смарт покачал головой:

– Я вижу, вы не дочитали файл до конца, верно, Шеви? Любая червоточина имеет стабильную протяженность, вплоть до наносекунды. Попробуйте представить себе ее как полую соломинку: если вы двигаете один конец, второй движется вслед за ним. Это означает, что если здесь прошел час, то и в прошлом тоже прошел ровно час. Эта конкретная червоточина имеет протяженность чуть менее ста двадцати лет, значит, именно на это время мы можем вернуться.

– И как долго вы там пробудете?

– Недолго. Допустимый максимум составляет десять минут. Малейшая задержка – и мы погибнем, а вам останется отключить питание, демонтировать модуль и отправиться домой в Калифорнию.

– Вот что я называю позитивным мышлением, агент. И что мы на этот раз скажем пожарным?

Смарт натянул на лицо сплошную черную маску.

– Никаких проблем не будет. Я подрегулировал демпферы, так что на этот раз перебоев в электропитании не предвидится.

Шеви оглядела приготовившуюся к отправке команду, с ног до головы одетую в черные рельефные скафандры и оцетинившуюся клинками и луками.

– Выглядите очень футуристично, ребята, хоть и работаете под старину. А что будет, если вас поймут прежде, чем эта конопляная одежда растает? Тот мальчишка, Райли, божится, будто на той стороне вас поджидает какой-то убийца-волшебник.

Из-за маски голос Смarta звучал приглушенно.

– Ах, да. Злой призрак. Классический случай психологического перенесения, агент Савано. Виноват не я, виноват мистер Никто. Но даже если этот неведомый Фейгин⁶ действительно караулит нас на той стороне, я думаю, мои парни с ним справятся.

Шеви тоже так думала. Парни выглядели так, будто могут без проблем захватить небольшую страну.

– Ладно, а если случится землетрясение и вас погребет под обломками?

– Что ж, именно на этот случай и предусмотрена красная кнопка. Хоть эти костюмы и пролежали на складе пятнадцать лет, надеюсь, ртутные выключатели все еще работают.

Это заявление придало ситуации неожиданную серьезность.

⁶ Герой романа Ч. Диккенса «Оливер Твист», скупщик краденого.

– Самоуничтожение? – поразила Шеви. – Вы опять меня разыгрываете? Это же не эпизод из «Сумеречной зоны».

Агент Сمارт усмехнулся, передернув плечами.

– Это именно он, Шеви. Он самый и есть.

Шеви усмехаться не стала. С чувством юмора у нее было все в порядке, но шуточки про самоуничтожение были не в ее вкусе.

– А мне, значит, просто сидеть и ждать, ковыряя в носу, пока эти ваши боевые ботаники будут ставить на место это временное домино?

Смарт застыл.

– Боевые ботаники? Ставить на место временное домино? Знаете, что я вам скажу, агент Савано? Полагаю, вы ухватили суть происходящего здесь, хотя, честно говоря, никогда не думал, что это случится. У некоторых людей главные мышцы – это те, которые управляют курковым пальцем, но вы отлично держались все это непростое время и даже ни разу никого не пристрелили.

Шеви уставилась на Смарт. Он что, смеется над ней? Или он просто-напросто робот?

– Вы уверены, что вам стоит возглавлять эту операцию? Может быть, мне вас сменить?

Внезапно все четверо ниндзя-ботаников потянулись к кобурам, приложенным у них на поясах, и вынули оружие.

– Не говорите лишнего, Шеви, – посоветовал Феликс. – Эта операция чрезвычайно важна. Никто не хочет кануть в небытие из-за того, что мой отец нарушил ход времени.

Шеви не отступила ни на дюйм:

– Ага, отлично, тогда скажите вашим парням: когда они вернутся, я буду ждать их в спортзале, по двое за раз.

Аварийная бригада дружно опустила оружие, таращась на Шеви с перекошенными от изумления лицами, как львы, которых вызвал на бой мышонок.

– А они неразговорчивые, эти ваши лабораторные герои.

Смарт тем временем включил несколько компьютеров, выставленных в ряд на длинном металлическом столе. От них по полу тянулись толстые провода, уходя куда-то под аппарат ПАУКСа. Из-под пальцев профессора потекли длинные цепочки кодов.

– За это я их и люблю, агент. Они просто делают свою работу, а не болтают.

Компьютеры выглядели старыми и громоздкими, с выпуклыми буквами на клавишах, которые светились зеленым. Шеви обратила внимание, что раскладка у них другая, не как на обычной клавиатуре. Она ткнула пальцем в одну из клавиш, просто чтобы убедиться, что она и в самом деле сделана из дерева.

Смарт оттолкнул ее руку.

– Поаккуратнее с оборудованием, агент, – посоветовал он. – Оно очень старое, такие технологии уже не используются. У нас даже нет запасных частей, чтобы его чинить.

– Да бросьте, у меня в комнате полно всяких деревяшек.

Смарт проигнорировал ее комментарий, продолжая тестирование систем. По мере того как он вводил все новые и новые коды, аппарат будто просыпался, вибрируя и исходя паром, как неисправный холодильник. Застрекотали и замигали квадратные огоньки, складываясь в сложные узоры, мощные силовые кабели загудели от несущихся по ним мегаватт энергии. Резиновая изоляция кое-где расплавилась, обнажив потрескивающие провода.

В целом все это напомнило Шеви старые фантастические фильмы, которые иногда крутили по кабельному.

«Именно так люди и считали нужным изображать будущее по телевизору в минувшем веке: дешево и кричаще».

Из разных сегментов модуля вырвались лазерные лучи, соединяясь между собой и образуя вокруг него световую решетку.

«Лазеры? – подумала Шеви. – Прямо как и положено в машине времени. Я как будто попала назад в семидесятые».

Чтобы как следует разогреться, модулю ПАУКСа понадобилось несколько минут. Он трясся, фыркал и гудел, пробуждаясь к жизни. В его основании зарокотали шесть электрических двигателей. Шеви только радовалась, что это не ей придется сейчас шагнуть в нутро этой адской машины, чтобы подвергнуться дематериализации. Внезапно аппарат чуть приподнялся над креплениями и завис на высоте где-то в полдюйма. Огоньки вспыхнули все разом, за исключением нескольких, которые лопнули и погасли.

– Порядок, – крикнул Смарт, перекрывая электрический гул. – Стабильность девяносто семь процентов. Хороший показатель.

«Девяносто семь процентов? – подумала Шеви. – Зуб даю, эти парни из бригады не знают об обезьяньей руке, иначе они бы наверняка настояли, чтобы дождаться всех ста».

Одетая в черное команда пробралась через люк в вибрирующую машину и уселась на идущую вдоль стенок низкую скамейку. Скрючившись в тесном пространстве, они сразу перестали выглядеть такими уж грозными, даже несмотря на устрашающие костюмы и обилие оружия. Шеви вдруг вспомнился ее молочный братишка и та ночь, когда он со своими приятелями решил заночевать в палатке на заднем дворе. Все они держались круче некуда, пока в два часа ночи что-то вдруг не поскреблось в тканевую крышу.

Смарт вручил Шеви пульт в виде кулона, который держал в руке.

– Я сделал копии для себя и остальной команды, но этот пульт – самый главный, со всеми кодами доступа. По сути, в нем заключена вся история проекта. Не потеряйте его.

Шеви повесила пульт себе на шею.

– Буду держать под подушкой рядом с вашей фотографией.

Смарт сдернул маску, и Шеви впервые за все девять месяцев увидела, как он улыбнулся по-настоящему.

– Мне будет не хватать вас, Савано, когда все это закончится. Ни один из этих ребят ни разу не решился надерзить мне. Но все равно учтите: если вы напортачите, я добьюсь, чтобы вас направили в Мурманское отделение.

– У нас нет Мурманского отделения.

– На самом деле есть. Очень глубоко подо льдом.

– Поняла вашу мысль. Не волнуйтесь, Феликс. Мальчишка в камере, и я никому не позволю дотронуться до пульта.

Смарт снова надел маску.

– Отлично. В таком случае через десять минут вы досрочно отправитесь домой с хорошими рекомендациями и чистым послужным списком. Но если из этого модуля выйдет кто-то чужой, не забудьте, чему вас учили: всегда цельтесь в грудь.

– Я помню, – кивнула Шеви. – В грудь. В самую большую мишень.

Они обменялись рукопожатием, хотя Шеви очень не хотелось этого делать. И вовсе не из-за боязни микробов. Просто за девять месяцев скуки она пристрастилась к просмотру боевиков, а как известно всякому киноману, стоит двум враждующим копам начать испытывать друг к другу уважение и приязнь, как второстепенный коп непременно погибает.

«А если кто здесь и есть второстепенный персонаж, – подумала она, – так это я».

Смарт, пригнувшись, нырнул в люк и уселся рядом со своей командой.

Он досчитал в обратном порядке до пяти, разгибая сжатые в кулак пальцы, и вся команда сгрудилась в середине модуля, обхватив друг друга за плечи. Смарт нажал на висящий у него на шее кулон, и модуль тут же залило оранжевым светом. Раздался громкий свист, и облако света почти мгновенно схлопнулось само в себя, породив локальный вакуум, который Шеви почувствовала даже со своего места за компьютерами.

Гул достиг почти ураганной громкости. Команда Смарта задрожала, расплываясь, когда составляющие ее молекулы стали распадаться. Размытые фигуры людей стали оранжевыми и разлетелись пузырьками, которые закружились посреди аппарата маленьким спиральным циклоном. Шеви могла поклясться, что разглядела в пузырьках отражение разных частей тела.

Откуда же, интересно, возникло это отражение? Из субатомных частиц?

Открывшаяся червоточина выглядела как труба из света и оказалась немного меньше, чем в глубине души ожидала Шеви. Однако ее вполне хватило, чтобы всосать в себя атомы членов аварийной бригады и их командира. Пузырьки продолжали вращаться по спирали вниз, постепенно оседая на полу модуля пульсирующим белым кругом. Он сверкнул, как новенький серебряный доллар, а потом начал кружиться поперек оси, разбрасывая по всему подвалу яркие блики.

Ослепленная, Шеви зажмурилась, а когда снова открыла глаза, червоточина уже закрылась, оставив после себя лишь легкое облачко дыма в форме вопросительного знака.

Шеви осторожно обошла компьютерный стол и заглянула внутрь модуля. Там было холодно, а на металлических стенках поблескивали капельки оранжевого геля.

«Надеюсь, это не какие-нибудь особенно важные части тела».

Смарт и его команда исчезли, в этом не было никаких сомнений.

«А ведь до этого момента я не верила истории Оранжа, – задумалась Шеви. – Ни на секунду не верила. И даже не уверена, что верю сейчас».

Однако было невозможно отрицать, что ее напарник исчез – может, в червоточине, как было запланировано, а может, просто испарился под этими давно устаревшими лазерами.

«Об этом можешь поразмышлять потом, когда окажешься дома, в Малибу. А до тех пор – действуй, как профессионал».

Назначенные десять минут Шеви решила потратить на просмотр видеозаписи с главного пульта. Вдруг там найдется, что добавить к отчету. А потом, кто знает – есть ведь ничтожный, призрачный шанс, что Райли говорил правду. Впрочем, даже если и так, таинственному злодею, которого мальчик боится, все равно не пробраться в будущее.

Перед внутренним взором Шеви внезапно промелькнуло лицо Райли: широко раскрытые глаза, выпачканная сажей бровь.

Не божественная сила, так дьявольская.

Она вздрогнула. Может, мальчик и лгал, но сам он был уверен, что говорит правду.

4. Альт-тек

Бэдфорд-сквер. Блумсбери. Лондон. 1898

Альберт Гаррик негромко мурлыкал себе под нос бесхитростную колыбельную. Когда-то он выучил ее, сиживая на коленях у ирландки, которая вынянчила едва ли не половину обитателей Олд-Найчола⁷. Если Гаррик и хранил в своей душе хоть одну непреложную истину, твердую и неsgiбаемую, как стальной стержень, то эта истина гласила: никогда-никогда он не вернется на Олд-Найчол, даже на час, даже спасаясь от свирепой облавы.

– Лучше висеть в петле, чем вернуться в эту выгребную яму, – клялся он себе сквозь стиснутые зубы.

Надо признать, в данном случае слова «выгребная яма» отнюдь не были преувеличением. Трущобы Олд-Найчола были отгорожены от других кварталов широкой сточной канавой. Великий пожар⁸ пощадил их, но с тех пор это обиталище беднейших отбросов Лондона так ни разу и не подновлялось. Настоящая выгребная яма, иначе не скажешь. Грязная гниющая канава, где облезлые хибары перемежались кучами отбросов, и где самый воздух был пропитан едкой вонью заводской копоти и пронзительными воплями вечно голодных младенцев.

Ад на земле.

Альберт Гаррик продолжал мурлыкать. Слова будто сами собой всплывали из темных теней прошлого, и убийца негромко напевал их мягким приятным тенором:

Один младенец, десять, двадцать
Вольно монетам в горсти бряцать,
Но вот явился Старый Ник⁹, похитил крошек он моих.
Умолк мой дом, померкнул день, молюсь о хлебе каждый день.

Гаррик хмуро ухмыльнулся. Эта песенка напоминала о холере, что едва ли было подходящим сюжетом для колыбельной: вместо того чтобы убаюкивать, она только возбуждала детские страхи, и Гаррику редко удавалось заснуть под нее. Почти вся семья Гаррика – девять человек – полегла во время эпидемии. Болезнь непременно прибрала бы и его самого, если бы не сообразительный папаша, который однажды ночью в темном переулке перерезал горло уборщику из «Театра Адельфи» и явился утром затребовать его место. Конечно, уборщик был папашиним приятелем, но речь ведь шла о жизни и смерти, а Темза и так битком набита телами лучших друзей. Редкий прилив обходился без того, чтобы к побережью Баттерси не прибило очередной труп чьего-нибудь доброго приятеля.

Больше года отец и сын ночевали в потайной каморке позади гримерок Адельфи, покуда не смогли позволить себе перебраться подальше от Олд-Найчола.

Гаррик встал коленями на искусной работы коврик с вышитой на нем геральдической лилией, прогоняя ненавистные воспоминания и сосредотачиваясь на более насущных делах. Он аккуратно выложил на коврик свои ножи, остриями к центральному лепестку вышитого цветка. Всего шесть клинков, от тонкого стилета и широкого кинжала до четырехгранных метательных ножей-сюрикенов. Однако самым любимым у Гаррика был зазубренный рыбный нож, который он хранил под подушкой с самого детства.

⁷ Старый трущобный квартал в Ист-Энде.

⁸ Большой пожар, уничтоживший центральные районы Лондона в 1666 г.

⁹ Старый Ник – одно из прозвищ дьявола.

Он любовно погладил его деревянную рукоятку. Можно было смело сказать, не погрешив против истины, что Гаррику этот нож был дороже, чем любой человек из его окружения. Однажды фокусник подверг себя серьезному риску попасться, когда непозволительно долго задержался у труп очередной жертвы, вызволяя нож из месива кровавых внутренностей.

«Но я готов пожертвовать даже тобой ради сладкого вкуса магии, – признался он ножу. – Не медля ни секунды, с великой радостью».

Гаррик не сомневался: после того как тот волшебник вернулся к своим в виде хладного трупа, сюда непременно кто-нибудь явится. Старик так и сказал: «если вы причините мне вред, сюда придут люди, чтобы убедиться, что вы не вывели моих секретов». И Гаррик верил, что тот говорил правду. Секреты старика совершенно точно были волшебными, и люди, конечно, придут, потому что магия – это сила, а сила – это знание. И тот, кто управляет знанием, управляет миром. Знание – слишком опасная штука, чтобы позволить ему болтаться просто так, а значит, люди придут за ним.

Из широкой каминной трубы, громко хлопая крыльями, вылетела стайка летучих мышей.

Может, они что-то почувствовали? Может, великий момент приближается?

«Явитесь же, боги магии. Явитесь и встретьтесь со сталью Гаррика, и тогда мы посмотрим, сумеете ли вы умереть как мужчины».

Гаррик снова спрятал свои клинки в карманы и растворился в густой тени за старинными часами.

Когда путешественник во времени появляется из червоточины и квантовая пена начинает застывать, он испытывает быстро забываемое ощущение поразительной ясности и полного единения с мирозданием.

«Все хорошо, прекрасная маркиза, – как саркастически сказал об этом моменте Чарльз Смарт в своей знаменитой речи в Колумбийском университете во время лекционного турне по Соединенным Штатам. – Когда все те крохотные виртуальные частицы аннигилируют, человек буквально растворяется во Вселенной».

Разумеется, это всего лишь субъективные ощущения, связанные с квант-слиянием – еще один термин, созданный профессором Смартом. Нет и не может быть никаких доказательств того краткого чувства космического единства, которое быстро рассеивается и почти сразу же забывается. И все же профессор Смарт был прав: буддистская «нирвана» в самом деле существует, и каждый член аварийной бригады испытал ее, когда его тело наконец вернулось в твердое состояние и замерло в состоянии мгновенного невыразимого восторга, как ребенок, впервые увидевший фейерверк.

Окутанная оранжевой дымкой команда стояла на кровати, которую Чарльз Смарт приспособил в качестве посадочной площадки для прибывающих из временного портала. Затем оранжевое свечение втянулось обратно в червоточину, которая парила позади них зависшим в воздухе бриллиантом.

– Эй, – заговорил тот, кто определенно был среди них за главного, с небрежно опущенным арбалетом. – Теперь, парни, вы увидели, что общего между Эйнштейном и Даффи Даком? Этот утенок знал, о чем толковал.

Им предстояли бы еще секунд восемь или около того всеобъемлющей космической мудрости, если бы Гаррик интуитивно не догадался, что судьба вряд ли подарит ему еще один такой же великолепный шанс. Он ринулся в атаку, как смертоносный вихрь, метнувшись из своего укрытия к кровати под балдахином, где стояли его недруги, безвольные, как скот на бойне.

«Ну же, мальчики, пора браться за луки», – подумал он.

Появление Гаррика, вскочившего на кровать, мгновенно разрушило атмосферу эйфории, и команда тут же перешла в состояние боевой готовности – все, кроме Смарта, который все еще полностью не восстановился из квантовых частиц, отчего его руки и ноги колебались и подрагивали, как под водой.

Судя по брызнувшей алой крови, первый же удар Гаррика достиг цели. Убийца беспокоился было, что его клинок может наткнуться на какие-либо защитные доспехи, но, хотя непривычный с виду костюм пришельца был изготовлен из очень прочного материала, тот не смог противостоять хищной остроте верного рыбного ножа. Мужчина, болтавший об утках, рухнул на простыни, захлебываясь кровью. Второй одетый в черное пришелец сблизил кулаки в боксерской стойке и молниеносным хуком ударил Гаррика в солнечное сплетение.

Убийца хрипло рыкнул – от удивления, не от боли. Эти черные демоны были быстры, но все же не волшебны быстры, а для того чтобы пробить сухощавую мускулатуру Гаррика, требовалось куда больше, чем обычная бойцовская сноровка.

Гаррик изучал множество разновидностей рукопашного боя, от корнуольской борьбы до окинавского карате, и из каждой выбирал то, что подходило именно ему. Эти навыки он развивал с помощью своей врожденной особенности: исключительной ловкости рук. Его стиль нельзя было распознать по внешним признакам, и против него не было защиты, ибо Гаррик был единственным мастером этого уникального стиля, и он же был его единственным последователем.

Применив свое мастерство, фокусник ухватил лезвие поперек левой ладонью. Второй человек в черном проследил за этим движением поворотом головы, но упустил из виду метательный клинок, который неведь откуда возник в правой руке Гаррика, словно вынырнув из его собственных вен.

Когда человек в черном заметил краем глаза смертоносный блеск клинка, тот уже начал свой стремительный полет к цели. Не во второго человека – в третьего, в то время как второго отвлекала левая рука Гаррика, сжимавшая рыбный нож.

Второй слишком поздно заметил опасность и едва успел увидеть, как метательный клинок вонзился в грудь его товарища, прежде чем коварный рыбный нож рассек его собственную яремную вену.

«Сколько крови, – подумал Гаррик. – Целый океан крови».

Трое из аварийной бригады были повержены. Четвертый решил, что лучше атаковать, чем быть прирезанным на месте. Он был настоящим профессионалом, прославившимся в ФБР тем, что однажды во время драки в одном из баров Вегаса уложил на пол чемпиона мира по боксу. Он выбросил правый кулак молниеносным кроссом, который свалил бы даже слона, и мысленно наметил следующие три удара.

Они ему не понадобились. Гаррик поднырнул мужчине под локоть, перекатил его через собственную спину и принял на острие тюремного ножа. Агент умер не мгновенно, но долго мучиться ему не пришлось.

Оставался один, последний – тот самый, окутанный волшебным сиянием. Человек, обладающий истинным могуществом. У Гаррика от предвкушения потекли слюнки.

Как же украсть эту магию? Как она работает? Может быть, надо знать особое заклинание? Или они пользуются пентаграммами? Все, что Гаррик перепробовал в свое время, чтобы высосать из магического эфира хоть искорку волшебной силы, теперь выглядело не более чем дешевыми фокусами. Свечи, травы, жертвоприношение животных... Он барахтался во тьме, как неразумное дитя, а сейчас его глазам предстало истинное могущество. И он получит его... если сможет.

Гаррик убрал нож в карман и погрузил ледяные пальцы в оранжевое свечение, пока не нащупал шею поверженного человека. Сухожилия выглядели крепкими, как стальные

тросы, но на ощупь оказались мягче масла. Гаррик увидел, как его собственные пальцы словно слились с плотью пришельца, и вслед за этим телесным слиянием случилось взаимопроникновение душ.

«Я знаю этого человека, – нахлынуло на него осознание. – И он знает меня».

Свободной рукой Гаррик сорвал с него маску, чтобы потребовать знания, которого не смог отыскать собственным разумом.

– Скажи, как ты заполучил магию, – сказал он. – Открой мне свои секреты!

Пришелец, похоже, пребывал в помраченном сознании: он смотрел, но не видел, тараща в пространство мутным, блуждающим взглядом. Гаррику доводилось видеть такой взгляд у солдат, только что очнувшихся после хлороформного наркоза.

«Я знаю тебя, Альберт Гаррик, – явственно сказал человек, хотя его губы не двигались. – И я знаю, кто ты есть».

Слушая мысли Феликса Смарта, Гаррик ощущал поразительное единение с этим человеком. Как будто вся жизнь Смарта сжалась в одну горькую пилюлю, которая теперь проталкивалась в его горло. В его мозгу вспыхивали воспоминания, еще более живые и яркие, чем его собственные. Он чувствовал вкус крови и пота, чуюл запах пороха и гниющей плоти, и в то же время извлекал наружу все собственные постыдные тайны и сожаления, в которых он никогда и никому не посмел бы признаться.

«Это и есть магия, – осознал он с восторгом, хотя его прошлое мерзким червем копошилось в его внутренностях. – Видеть и знать».

– Отдай ее мне, – сказал он, крепче стискивая шею мужчины. – Она нужна мне, слышишь?

– Они отправили тебя в Афганистан, – с хрипом выдавил из себя пришелец.

Гаррик был так поражен этими словами, что поддался интересу.

– Немногие знают об этом, шотландец. Я вступил в армию, убил свою долю врагов и вернулся домой героем. – Гаррик затряс головой, прогоняя оранжевого чужака из собственного сознания. – И поменьше болтай, если только не собираешься раскрыть мне свою тайну.

Пришелец прикрыл глаза, как показалось Гаррику, с горечью.

– Я не могу. И я знаю, что ты собираешься сделать, так что...

Его рука потянулась к красной кнопке на поясе, и Гаррик перехватил ее, вцепившись в запястье мужчины.

Квантовый контур замкнулся, и теперь обмен информацией пошел на всех уровнях сразу. Знания, тайны, сама сущность бытия – все это мелькало с быстротой молнии между сцепившимися в лютом поединке мужчинами. Гаррику приходилось прикладывать огромные усилия, чтобы не потерять самого себя в этом вихре информации. Он видел и понимал все, все на свете, от амёб до микроволн. Он осознавал самого себя как комок трепещущих нейронов и ясно понимал, как они действуют. Он обьял единым взглядом и обратную сторону Луны, и Землю под властью динозавров, и компьютеры размером со спичечный коробок, и ученого-шотландца, и девочку шауни, и парнишку Райли.

«Райли», – подумал он, и эта мысль тут же ускользнула от него в квантовую пену. Он дернул головой, не желая отпускать ее, и шотландец тут же воспользовался его мгновенной утратой внимания, чтобы нажать красную кнопку на ремне.

Гаррик почувствовал смещение ртути, почуюл запах взрывчатки и понял, что есть только один способ попытаться избежать смерти. Он с силой ударил Феликса Смарта в обмякшее горло и, не разжимая хватки, метнулся к крохотному пульсирующему кругу света на разгромленной кровати.

Казалось невероятным, чтобы двое взрослых мужчин могли втиснуться в столь крохотное пространство, но червоточина, представляющая собой чистую физику, исправно сра-

ботала, распылив сражающуюся пару на атомы в тот самый миг, когда бомба в костюме взорвалась.

Чарльз Смарт, крестный отец путешествий во времени, рассуждал в своей знаменитой лекции в Колумбийском университете о том, что, если в квантовом потоке возникнет спонтанный энергетический сдвиг, это может оказать на путешественников во времени самый невероятный эффект. Теоретически, в результате такого воздействия может возникнуть существо, наделенное удивительными способностями, которых человечество не смогло достигнуть путем нормальной эволюции. То есть, по его словам, Кларк Кент мог на самом деле стать Суперменом.

В мир могли явиться настоящие супергерои.

Или суперзлодеи.

Бэдфорд-сквер. Блумсбери. Лондон. Сейчас

Шеви Савано воткнула пульт Чарльза Смарт в причудливую зубчатую прорезь гнезда на боку старомодного компьютера в подвале, где стоял модуль.

На экране появилась надпись:

ИДЕТ ПРОГРЕВАНИЕ

Прогревание? Это что, ксерокс, что ли?

Альт-тех, одно из любимых словечек Феликса. То есть альтернативная технология. Обычно он называл этим словом какой-нибудь ветхий аппарат, который никогда не работал как следует.

Прогревание, значит. Наверное, дальше эта штука потребует прибавить газу.

Внезапно на экране засветилось меню. Экранчик был маленький, выпуклый. Наверное.

«Ладно, я догадываюсь, что ни «Эппл», ни «Майкрософт» не в состоянии контролировать прошлое», – подумала она с ухмылкой.

Похоже, в этом пульте управления временем содержалось действительно все. Полная история проекта, включая предыдущие временные скачки, личные файлы, размещение транспортировочных аппаратов и, разумеется, видеодневник профессора Смарт.

Двигая самой настоящей деревянной мышкой, Шеви отобрала наиболее недавние записи и промотала их до последней пары минут.

Картинка была очень зернистая, с почти неразличимыми из-за темноты цветами, но она ясно видела мальчишку Райли, который приближался крадучись, только глаза и зубы поблескивали на зачерненном сажей лице. И клинок в его руке тоже был отчетливо виден – самый краешек лезвия, не покрытый сажей.

Внезапно экран осветился зеленым, и лицо Райли оказалось жутковато подсвечено снизу, как у рассказчика страшных историй у костра, вечером в Хэллоуин. Надо признать, мальчишка выглядел кругом виновным: пробрался в дом старика под покровом ночи, да еще вооруженный ножом самого зловещего вида. Райли подошел ближе, и световой сигнал тревоги сменился с зеленого на красный. Ракурс тоже изменился: видимо, профессор Смарт сел.

Последовала какая-то недолгая болтовня, разобрать которую было невозможно, затем Райли нанес удар, и все залило оранжевым. Конец истории. Можно смело передавать дело в суд, обвинение может сильно не напрягаться.

Или все-таки нет?

Шеви остановила запись на том моменте, где Райли делает свой выпад. Что-то в нем было странное. О ножах Шеви знала все, и поза мальчика показалась ей какой-то неестественной: он как будто отклонился назад, одновременно двигаясь вперед. Не такой уж простой фокус. Да еще это выражение на лице – один сплошной ужас.

Либо этот парень – шизофреник, либо кто-то ему слегка помог.

Но кроме него и старика, в темной комнате больше никого не было. По крайней мере никого больше не было видно.

Шеви захотелось как следует треснуть по древней машине.

Альт-тех, черт ее подери. Нельзя даже чуть-чуть просветлить изображение.

Тут Шеви осенило: возможно, она не может почистить картинку на этом старом ящике с болтами, но она может попробовать перенести ее...

Шеви вынула из-за пояса свой смартфон и пересняла изображение, застывшее на экране. Отличный снимок с высоким разрешением. Переведенная на дисплей смартфона, картинка уже получилась чуть более резкой, хотя все еще оставалась слишком темной и мутной.

Темная и мутная. Никаких проблем.

На смартфоне Шеви было установлено целых четыре приложения для обработки фотографий. Она выбрала одно и прогнала через него снимок.

Эта привычная, вполне приземленная работа, кажется, подействовала на девушку благотворно, моментально переведя расследуемое дело в разряд самых обычных.

Она приказала программе навести резкость, прибавить яркости и усилить насыщенность цветов.

Операция заняла несколько секунд, и на снимке из тени выступила еще одна фигура, находящаяся за спиной Райли, чуть справа. Высокий, слегка сутулый человек, темноволосый, с близко посаженными глазами, лишенными всякого выражения, как глаза трупа. Лицо самое обычное, ничем не привлекательное, в особенности из-за размазанной по нему сажи, и, на взгляд Шеви, едва ли он пользовался большим успехом у женщин, но глаза... глаза выдавали его. Шеви доводилось видеть такой мертвый взгляд и раньше, на лицах серийных убийц из архивов Куантико.

Шеви содрогнулась.

«Так вот, значит, каково это, когда у тебя кровь стынет в жилах, – подумала она. – Я слышала это выражение, но до сих пор не понимала его».

Нет сомнений, именно об этом человеке говорил Райли. Воплощенная смерть, не знающая преград. Убийца, способный на все что угодно.

И все-таки это рука Райли держала нож. Мальчишка все равно виновен.

Хотя...

Шеви дважды нажала на картинку, увеличивая ее, затем навела перекрестье фокуса на рукоятку ножа Райли и снова увеличила. Кажется, все и так понятно. Вот кисть с зажатым в ней ножом, вот предплечье, вот полосы теней на локте.

Полосы теней...

Шеви добавила еще увеличения, пока на изображении не проступили отдельные пиксели, и увидела, что тени вовсе не были тенями.

У теней не бывает костяшек.

Это были четыре длинных костлявых пальца, вцепившихся в руку Райли и направляющих ее.

«Мальчишка невиновен!» – поняла она, наконец вздохнув. Она и не заметила, что все это время сидела, затаив дыхание.

Глядя на зачерненное лицо и блеклые глаза убийцы, Шеви искренне порадовалась, что этот человек не может, вопреки страхам Райли, проложить себе путь в будущее.

«И все-таки, – подумала она, – лучше я покараулю возле модуля и обойду подвал. Просто на всякий случай».

Шеви вынула пульт из гнезда и снова повесила его себе на шею. Для сохранности.

Просто на всякий случай.

Специальный агент Лоуренс Уитмейер, ее начальник в лос-анджелесском отделении, любил по всякому поводу рассказывать поучительные истории, главным героем которых, как правило, был непревзойденный федерал по имени Джастин Кейси, который всегда был отлично подготовлен и ни разу не подверг себя риску быть подстреленным из-за того, что нарушил служебный протокол.

Шеви фыркнула. Агент Джастин Кейси. Звезда ФБР. Суперагент всех времен.

Если бы в тот момент она не отвлеклась на воспоминания, то наверняка заметила бы грозную вспышку энергетического всплеска в недрах модуля ПАУКСа и успела бы пригнуться до того, как грянет взрыв.

К сожалению, она отвлеклась и ничего не заметила, пока компьютеры не взвыли тревожной сиреной. Но к тому времени было уже поздно.

Гаррик и Смарт угодили в червоточину вместе, но уже отдельными людьми. Оказавшись внутри, Гаррик остался в сознании, тогда как сердце Смarta перестало биться, и мозг постепенно угасал. Взрыв самоуничтожающегося заряда возбудил отдельные частицы, которые должны были бездействовать, и тем самым нарушил процесс перехода. Последние жизнеспособные нейроны Смarta слились с клетками Гаррика, и некоторые физические качества погибшего тоже перешли к убийце. Аппарат ПАУКСа послушно внес изменения в его ДНК.

В модуле возникло совершенно новое существо. Существо с ускоренной эволюцией, наделенное всеми дарами многих тысячелетий развития и совершенствования.

Какой-то период, который показался Гаррику неизмеримо долгим и в то же время пролетел в одно мгновение, он чувствовал себя полностью освобожденным от физического тела. Он ничего не видел, ничего не слышал, только летел сквозь воспоминания Смarta.

«Я убил и отца, и сына», – осознал он. И пожелал получить плату за второе убийство тоже.

Размышления о плате навели Гаррика на мысль о том подозрительном типе, который заказал ему убить Чарльза Смarta.

«Знал ли тот человек, – заинтересовался Гаррик, – обо всей этой магии?»

При обычных обстоятельствах заказ не вызвал бы никаких затруднений. Гаррик проскользнул бы к месту убийства и улизнул оттуда легко и бесшумно, как вечерний сквозняк, но с ним был Райли, отправившийся на свое первое убийство. Для мальчишки это было проверочное задание, несложное и заурядное. Гаррик понаблюдал несколько дней за домом, изучая распорядок приходов и уходов его обитателей, а затем отправил туда Райли, который забрался внутрь через окно этажом выше. Гаррик никогда не стал бы рисковать своей репутацией или кошельком и не взял бы с собой мальчишку, если бы почуял хоть малейший намек на опасность.

Все эти волшебные события – удача или рок.

Впрочем, Гаррик теперь не мог поверить ни в магию, ни в рок. Мир устроен намного проще: столкнутся атомы или не столкнутся, вот и все.

«Атомы, – подумал Гаррик, наслаждаясь новым пониманием вселенной, почерпнутым при слиянии с Феликсом Смартom. – Я могу видеть их устройство своим мысленным взором».

Поразительный переход в новое состояние не вызвал у Гаррика ни тревоги, ни смущения. Теперь он в точности знал, что с ним произошло и что ждет его в будущем. И стоило ли огорчаться, что «настоящей магии» нет, и происходящее с ним имеет вполне материальное объяснение? Разве обретенное им знание не является само по себе величайшей силой? Гаррик был слишком зачарован своим перерождением, чтобы терзаться ненужными тревогами.

«Будущее ждет, и я с моими новыми знаниями подчиню его себе».

В этом самом будущем есть поразительные вещи, о которых Гаррику теперь было отлично известно.

Трехмерные фильмы и мощные компьютеры карманного формата. Автоматическое оружие и японские роботы. Вот это да.

На этот раз в доме на Бэдфорд-сквер не получилось ни мягкой постепенной материализации, ни легкого колебания эфира, ни трепещущих пассажиров в модуле. На этот раз в нем возник шар из красной жидкости, размером с яблоко, который тут же взорвался, превратившись в отвратительный ком, заливший пол подвала кровью. Все это сопровождалось оглушительным хлопком и мощной ударной волной. Кольцо демпферов вокруг модуля рвануло, рассыпая искры, как фейерверки на рок-концерте.

Шеви подхватило взрывной волной, как сухой листок ураганом, и швырнуло через весь коридор. Пару раз она хорошенько приложилась об пол, прежде чем врезаться в пирамиду из упаковочных коробок, сложенных возле лестницы. Это были ее собственные коробки, которые она собиралась сложить и убрать с самого переезда. Коробки обвалились на нее сверху, оставив лишь небольшой треугольный просвет, через который она одним глазком могла видеть модуль. Глазок и в самом деле был только один: левым глазом Шеви сильно ударилась при падении и едва не потеряла сознание, но все-таки смогла продержаться достаточно долго, чтобы увидеть, что еще появилось из аппарата.

Из него появился мешок из плоти и костей, который принялся барахтаться на скользком от крови полу, словно борясь с самим собой. Шеви видела руку, пробившую полупрозрачную оболочку, и лицо, прижавшееся к ее липкой изнанке.

– Смарт, – позвала Шеви слабым голосом.

Вдруг лицо вздулось пузырями, исказилось и переменялось, превратившись в лицо человека с экрана.

«Мне снится кошмар. Проснись, Шеврон Савано. Поднимайся!»

Но если это был сон, то он получился на редкость реалистичным, задействовав все ее органы чувств, включая обоняние.

«Не помню, чтобы раньше мне когда-нибудь снились запахи».

Шеви уже знала, что это не сон. Плитки кафеля под ее щекой были слишком липкими от свернувшейся крови и сукровицы.

Груда перемешанных частей тела подтянулась и хрипло, с натугой, вздохнула, вытягивая разряды энергии из модуля. Потом встряхнулась, как мокрый пес, разбрызгивая во все стороны липкие капли и освобождаясь от кокона, и преобразилась в фигуру стоящего человека, которая проступала все четче и четче, пока не сформировалась окончательно. Человек потянулся, раскинув руки в стороны, и подвигал пальцами, как будто удивляясь такому чудесному изобретению.

Шеви слабо завозила ногами по скользкому полу, пытаясь найти опору и подняться, но даже от такого ничтожного усилия ее голова закружилась.

«Райли. Я должна спасти мальчишку».

Человек как будто услышал эти мысли и стряхнул с себя остатки растянутого пузыря из прозрачного липкого вещества, которое тут же перешло из полужидкой формы в газообразную и вознеслось легкими облачками под потолок.

Одежда нарастала на нем буквально стежок за стежком, волокна ткани червями извивались вокруг его уплотняющейся на глазах кожи. Получившийся костюм выглядел занятным сочетанием грубого холста, облегающих штанов от защитного комбинезона и мужского пальто викторианских времен. Довершала странный наряд шляпа-котелок, которая смотрелась на этом человеке не более уместно, чем галстук-бабочка на акуле.

– Райли, – произнес мужчина, словно пробуя, как действует его рот. – Райли, сынок. Я пришел за тобой. Я знаю, что тебя держат в тюрьме. Этот футурист Смарт показал мне.

«Смарт показал ему», – подумала Шеви и тут же безошибочно догадалась, что аварийной бригады больше нет.

Тут Шеви вспомнила, что у нее есть пистолет, и, скорее всего, он по-прежнему в кобуре у нее на боку, но даже это расстояние показалось непреодолимым для ее обессиленной руки. Все, на что она была способна, – это держать один глаз открытым. Она увидела, как явившийся маг любовно погладил клавиатуру одного из старых компьютеров на столе, а затем перевел взгляд на нее.

«Он меня видит», – поняла Шеви, чувствуя, как холод подвального пола просачивается в ее тело.

Взгляд мага задержался на ней на мгновение, а затем он отвернулся и с решительным видом направился к двери камеры предварительного заключения.

«Все в порядке, – подумала она. – Дверь сделана из бронированной стали. Даже сам дьявол не сможет открыть ее, не имея карточки или кода».

Демоническая фигура остановилась перед кодовой панелью, театрально хрустнула костяшками и набрала код.

– Абракадабра, – сказал мужчина, когда дверь камеры щелкнула замком и приоткрылась.

«Мне так жаль, Райли, – подумала Шеви. – Ты сказал мне правду, а я не поверила и обрекла тебя на смерть. Прости меня».

Гаррик снял шляпу, словно перед входом в церковь, и, пригнувшись, шагнул в камеру. Шеви прикрыла глаз. Ей не хотелось видеть, что произойдет дальше.

Когда Гаррик выбрался из пузыря и шагнул в мир будущего, он успел в буквальном смысле сделаться новым человеком.

Все в нем изменилось: его ДНК, его лексика, его знания, опыт, осанка, развитие мускулатуры, уровень сообразительности. Он даже хорошо разбирался в творчестве Шекспира... по крайней мере Феликс Смарт разбирался.

«Быть или не быть, мой малыш Райли. Насчет тебя я еще не определился».

Гаррику пришло в голову, что в этом заведении, где он материализовался, могла поджидать какая-нибудь опасность, хотя воспоминания Смarta ясно говорили, что на карауле здесь осталась одна-единственная молоденькая девушка, щуплая пигалица, которую едва ли можно было считать серьезной угрозой. Однако из тех же воспоминаний следовало, что эта девушка – хорошо обученный боец, который успел отлично проявить себя в Городе Ангелов.

«И у нее последний пульт», – вспомнил он. Хотя воспоминания Смarta пережили переход по червоточине в целостности и сохранности, его собственный пульт остался лежать угольком на его груди.

«Не стоит недооценивать девчонку, – сказал Гаррик сам себе. – Иначе тебе самому прямая дорога в прах».

Гаррик твердо встал на ноги в реальном мире и огляделся по сторонам. Странное это было место: голые стены без окон, увешанные какими-то разноцветными веревками и необычного вида машинами.

«Кабели и серверы», – сообщили ему пронесшиеся по его нервным окончаниям электрические импульсы.

То, что явление Гаррика из прошлого не обошлось без кровопролития, было видно сразу: об этом говорили багровые потеки на стенах и застывающие кровавые лужицы на поверхности заставленного техникой стола.

– Райли, – сказал он, проверяя, как звучит его голос. – Райли, сынок. Я пришел за тобой. Я знаю, что тебя держат в тюрьме. Этот футурист – Смарт – показал мне.

Гаррик направился к машинам на столе. – Это ноутбук, – подумал он, легонько потыкав пальцем в клавиатуру. – Какая прелесть».

Впрочем, у него еще будет время для развлечений, а сейчас он должен поскорее освободить Райли, увести его в безопасное убежище, а потом позволить мальчишке греться в лучах новой славы своего наставника.

Что-то мисс Савано нигде не видно. Может быть, его чересчур энергичное прибытие вывело ее из игры?

А может, она лежит в засаде и ждет?

Гаррик заставил себя сосредоточиться. Затем направился к стене и, щурясь от дыма и ярких вспышек, двинулся по коридору с кирпичными стенами к нагромождению каких-то ящиков.

Вон там. Гляди-ка!

Из щели в развале коробок торчала рука. Пальцы этой руки конвульсивно подергивались, а лежащая на ней голова не двигалась. Один глаз был закрыт, второй опух и неподвижно уставился в пространство.

Малютка уже на пороге смерти. Он пойдет и заберет своего мальчика, а по пути наружу погасит последнюю искру ее жизни.

Гаррик быстро зашагал по коридору, чувствуя себя лучше, чем бывало за многие годы. Путешествие по червоточине полностью очистило его тело, и сейчас он ощущал себя молодым и полным сил.

Еще одна преграда на его пути. Серьезная проблема для старого Альберта Гаррика, каким он был. Но не для новой модели.

«Версия 2.0», – подумал он с усмешкой, и тут же ущипнул себя за руку, чтобы лучше сосредоточиться.

Преградой оказалась цифровая панель электронного замка.

«Этой машине нужно скормить карточку или цифры, – сразу же понял он. – Карточки у меня нет, но где-то в памяти должны быть коды ко всему, что есть в этом здании».

Гаррик склонил голову, пока его мозг с готовностью подсказывал ему нужную последовательность. Затем хрустнул пальцами и пробежал ими по кнопкам, вводя код. Огонек на панели мигнул зеленым, и дверь приоткрылась.

– Абракадабра, – сказал он с удовлетворением.

Гаррик снял шляпу и, пригнувшись, шагнул внутрь, улыбаясь при мысли о том, как Райли удивится.

«О, мой сын! Нам нужно многим поделиться друг с другом. Очень многим».

Камера была обставлена по-спартански: узкая койка у стены, единственный стул и, разумеется, камера, уцепившаяся за потолок, как паук. И все.

Никакого мальчика.

Райли, его сын, пропал.

Гаррик не позволил себе ни вскрикнуть, ни застонать. В конце концов, некогда он был знаменитым иллюзионистом, а не актером дешевых мелодрам. Поэтому он удовольствовался тем, что звучно хлопнул дверью и направился к мисс Савано, чтобы задать ей пару вопросов.

«Как удачно, что я не убил ее раньше, – размышлял он. – Теперь она сможет помочь мне отыскать Райли, прежде чем умрет».

Мир Шеви бешено вертелся, как калейдоскоп с тусклыми красками. Бетонно-серый и грязно-коричневый. «Мальчик мертв», – снова и снова думала она, но теперь уже с тру-

дом понимала, то ли к ней привязались слова из какой-то песенки, то ли это ее собственная мысль, имеющая серьезный смысл.

Она с трудом осознала, что с ее телом что-то происходит. Не с головой. С плечом, что ли? Верно, с плечом. Зачем кто-то трясет ее за плечо, почему ей не дают поспать?

– Мисс, просыпайтесь, – настойчиво произнес чей-то голос. – Он идет сюда.

Проснуться? Нет уж, спасибо. У нее сегодня выходной. Может, попозже она встанет, чтобы немного позаниматься серфингом на закате в Малибу.

– Мисс, поднимайтесь скорее, или Гаррик убьет нас обоих.

Гаррик.

В сознании Шеви снова вспыхнул образ окровавленного тела, возникающего из непонятного кокона.

Один ее глаз, затрепетав, с трудом открылся, а второй, опухший и налившийся кровью, так и остался закрытым. Мальчик наклонился над ней, пытаясь приподнять ее за отвороты куртки.

– Райли?

– Он самый, мисс Савано. Мы должны немедленно бежать из этого места.

Бежать? Но она думала, что мальчик уже мертв. Сейчас она закроет глаза, всего на секундочку...

Райли подхватил обмякающего агента под мышки и рывком поднял, придав ей вертикальное положение.

– Я помогу вам идти, – пропыхтел он. – Опля, шажок, еще шажок...

Шеви снова открыла действующий глаз.

– Я не ребенок.

В этот самый миг Гаррик возник в коридоре – с алебастрово-белым лицом, испачканным кровавыми полосами.

«Он очень зол», – понял Райли, и холодное выражение лица наставника едва не заставило его оцепенеть от ужаса.

Но инстинкт выживания оказался сильнее страха. Он схватил пистолет Шеви, вложил его девушке в руку и, сжимая ее пальцы обеими своими ладонями, направил дуло Гаррику в грудь.

– Стреляйте, мисс, – сказал он. – Скорее!

С помощью мальчика Шеви удалось нажать на курок не один, а два раза. Обе пули прошли слишком высоко, но вторая – достаточно близко, чтобы заставить Гаррика притормозить. Фокусник рыкнул, как трущобная дворняга, и перешел на другой способ движения. Он словно перетекал с места на место самым непредсказуемым образом, с множеством обманных движений, никогда не оказываясь там, где, согласно ожиданиям, должен был оказаться. Там, где по всем признакам он должен был шагнуть в сторону, его тело делало неожиданный косой выпад вперед.

Звук выстрелов вернул Шеви к реальности, и ей стало ясно, что этот самый Гаррик передвигается совершенно невиданным ею доселе способом. Она заморгала здоровым глазом.

– Что за черт? Этот парень движется, как кошка.

– Обманная походка, известная уловка фокусников, – объяснил Райли, с пыхтением втаскивая Шеви вверх по ступенькам. Он сможет рассказать ей побольше об уникальном стиле Гаррика и потом, когда они спасутся из этой обители смерти. Если спасение возможно.

Шеви спиной вперед медленно поднималась по лестнице, стараясь по возможности не сводить прицела с Гаррика. Фокусник злобно зашипел, как вампир, и надвинул котелок до самых бровей, как будто опасался, что тот слетит с его головы.

«Готовится сделать бросок», – подумала Шеви.

– Ага, мужик, правильно, – обратилась она к нему. – Подойди-ка еще поближе. Покажи, как твоя модная лунная походочка сработает на узкой лестнице. Рискни, и я продырявлю тебе башку точно сквозь глаз.

Угроза, похоже, возымела действие. Вероятно, потому что содержала изрядную долю истины. Если Гаррик ступит на лестничный пролет, то окажется зажат между стеной и перилами, не оставив себе пространства для маневра. Но если Шеви полагала, что ей удастся запугать выходца из девятнадцатого века своим современным оружием, то она ошибалась.

– Тебе не сбежать от меня, Шеврон Савано, – сказал он, склонив голову набок. – Я отберу у тебя моего мальчика и все секреты пульта, который ты хранишь.

Шеви похолодела. Для выходца из эпохи королевы Виктории этот тип знал чересчур много.

– Сделай еще шаг, – сказала она, стараясь держать оружие как можно тверже, – и мы посмотрим, кто сможет сбежать, а кто нет.

Райли все это время волок ее спиной вперед вверх по лестнице до уровня первого этажа, непрерывно бубня ей на ухо.

– Вверх и назад, – говорил он, стараясь не встречаться глазами с Гарриком, чтобы ледяной взгляд наставника не заставил его оцепенеть и не пошатнул его решимости. – Вверх и назад.

Они уже достигли верхней ступеньки, а Гаррик все еще торчал у подножия лестницы, в бессильной злобе сжимая и разжимая кулаки и сожалея, что у него нет при себе метательного ножа. Шеви посетила мысль.

«Я пришила этого парня. Оперативная группа доберется сюда за две минуты».

– Все в порядке, – сказала она Райли. – Мы его прижали. Деваться ему некуда. У меня на поясе висит телефон – передай его мне.

Гаррика тоже посетила идея. Фокусник внезапно развернулся и бросился по подземному коридору к компьютерному залу.

«Порядок. Все отлично. Все, что он может сделать с компьютерами – это тупо колотить по клавишам. Ни пароля, ни доступа, – думала Шеви. – А затем: неужели? Но дверь камеры с кодовым замком не надолго его задержала, забыла?»

– Телефон, Райли. Дай мне телефон.

– Агент, если этот ваш телефон не оружие, то забудьте про него. Прицельтесь из вашего пистолета и стреляйте снова.

– Нет, не волнуйся. Он надежно застрял там, внизу.

Райли стало ясно, что мисс Савано и впрямь верит, будто одержала победу, и его глаза налились слезами отчаяния.

– Вы не понимаете, мисс. Гаррик – это сам дьявол. Он не какой-нибудь обычный жулик или грабитель. Разве вы не видели собственными глазами, как он только что выбрался из западни?

Шеви и в самом деле видела это собственными глазами, но все еще отказывалась признать, что правила ее мира на этого человека не действуют.

– Наверное, если бы он забрался в оружейный сейф, то и смог бы что-нибудь нам сделать, но сейф запирается кодовым замком.

Снизу донесся сдвоенный электронный писк и громкий щелчок. Шеви сразу узнала сигнал отключения сигнализации кодовой панели сейфа и звук открывшейся дверцы.

Райли без всяких слов догадался, что это были за звуки.

– Это ваша оружейная, мисс, не правда ли? Значит, Гаррик снова взломал ваш код?

«Снова», – подумала Шеви.

– Считай это сигналом к отступлению, – признала она, с трудом одолев собственными силами верхнюю ступеньку и ковыляя в сторону холла. – Что ты там говорил насчет «бежать»? Ты был прав.

– Хвала Всевышнему, что вразумил вас, – отозвался Райли, подныривая под руку Шеви, чтобы было легче ее тащить.

Внизу появился Гаррик, держа наперевес автомат Калашникова, который, наверное, сошел с конвейера еще тогда, когда Шеви только-только пошла в школу.

«Возраст оружия на скорость полета пуль не влияет, – подумала Шеви и вынудила Гаррика пригнуться, сделав три выстрела вниз, в лестничный пролет. – Это даст нам хотя бы пять секунд».

Получила она от силы две. Прежде чем затихло эхо от ее выстрелов, голова Гаррика показалась из-за угла у подножия второго лестничного пролета. Теперь приклад Калашникова уже профессионально зажат между щекой и плечом убийцы.

Райли уже понял, что Гаррик вышел из стальной транспортировочной машины с такими знаниями и способностями, которыми он никогда не обладал прежде. Мальчик как будто увидел усовершенствованную версию знакомого ему убийцы.

– Ну же, малышка, – окликнул Гаррик Шеви. – Давай-ка поглядим, правильно ли я понимаю, для чего нужна эта штука.

Он нажал на спусковой крючок, выпустив очередь в потолок над головой Шеви. Отдача отбросила его назад, но через мгновение он полностью оправился. В замкнутом помещении грохот автомата звучал просто оглушающе, как наложившиеся друг на друга раскаты грома. Райли и Шеви разом присели, прикинув к полу, не понимая даже, подстрелили их или нет, кричали они или нет.

Райли не обладал таким боевым опытом, как Шеви, но вся его жизнь была полна угроз и опасностей. Он привык стремиться к выживанию даже тогда, когда смерть, казалось бы, уже стоит за спиной. Мальчик вскочил, ухватил агента Савано за шиворот и поволок ее за собой, как мешок с углем.

– Давайте же, – кричал он, – мы должны выбраться на улицу.

То и дело оступаясь, они тяжело поковыляли дальше. Мысль о Гаррике подгоняла их, как ветер в спину, и через несколько мучительных мгновений они оказались перед дверью наружу, которая запиралась тремя мощными засовами, входящими в стальную раму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.